

Гоголь и Бѣлинскій.

Историкъ литературы, занимающійся изученіемъ жизни, личности и творчества Гоголя, не можетъ не остановиться болѣе или менѣе подробно на отношеніи къ нему В. Г. Бѣлинскаго, этого „праведника литературы русской“, какъ онъ удачно былъ названъ однимъ изъ изслѣдователей. Съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ Гоголь нашелъ въ лицѣ знаменитаго русскаго критика восторженнаго поклонника и горячаго защитника своего таланта; не кто другой, какъ Бѣлинскій, со всей силой своего дарованія отстаивалъ Гоголя отъ многочисленныхъ и подчасъ сильныхъ и ядовитыхъ литературныхъ враговъ, истолковывалъ значеніе въ художественномъ и общественномъ отношеніи какъ его произведеній, такъ и той литературной школы, которая, можно сказать, создана у насъ Гоголемъ; ему въ значительной мѣрѣ обязанъ авторъ „Ревизора“ тѣмъ успѣхомъ, который онъ приобрѣлъ въ короткое время среди русскихъ читателей. Этимъ объясняется, почему почти во всякой статьѣ, посвященной обзору дѣятельности Гоголя, не исключая и самыхъ незначительныхъ учебниковъ по исторіи литературы, отмѣчается въ той или иной формѣ огромное значеніе Бѣлинскаго, какъ истолкователя Гоголя. Но, несмотря на то, что и Гоголь и Бѣлинскій являются крупнѣйшими писателями того періода русской литературы, съ которымъ связано представленіе о ея могучемъ ростѣ какъ въ художественномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи, до сихъ поръ не выяснены съ достаточной полнотой и ясностью ни ихъ взаимныя личныя отношенія, ни значеніе критическихъ статей Бѣлинскаго въ дѣлѣ истолкованія творчества Гоголя. Какъ ни много написано объ этихъ двухъ литературныхъ свѣтилахъ первой величины, нельзя указать ни одного

большого или малаго изслѣдованія, охватывающаго этотъ вопросъ съ достаточной полнотою и объективностью. Даже чествованіе памяти великаго критика въ маѣ 1898-го года по случаю пятидесятилѣтія со дня его смерти, вызвавшее обширную литературу о немъ, которая освѣтила многіе темные вопросы касательно жизни, личности и дѣятельности Бѣлинскаго, мало способствовало выясненію его отношенія къ Гоголю, хотя оно въ значительной степени является для него характернымъ. Правда, въ отдѣльныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ разсмотрѣнію дѣятельности двухъ названныхъ писателей, затрагиваются тѣ или иные стороны ихъ личныхъ и литературныхъ отношеній, но ни одно изъ нихъ не даетъ сколько-нибудь полной ихъ картины. Въ этомъ отношеніи мы сталкиваемся со страннымъ, тѣмъ не менѣе нерѣдко наблюдаемымъ въ исторіи литературы явленіемъ: капиталѣйшій вопросъ, важность котораго очевидна для всякаго, остается долгое время неизслѣдованнымъ вполне въ виду возможности безъ особаго труда рѣшить его съ кажущейся вѣроятностью въ удовлетворительномъ смыслѣ. Такъ устанавливаются принятія на вѣру шаблонныя мнѣнія, не рѣдко значительно противорѣчащія истинѣ, тѣмъ не менѣе повторяемые даже въ строго научныхъ сочиненіяхъ. А между тѣмъ детальное изученіе вопроса часто совершенно измѣняетъ общепринятое рѣшеніе его или же вноситъ существенныя поправки и дополненія и, во всякомъ случаѣ, способствуетъ выясненію любопытныхъ подробностей, если и не измѣняющихъ установившейся точки зрѣнія, то въ значительной степени содѣйствующихъ ея научному обоснованію.

Пересмотръ вопроса о личныхъ и литературныхъ отношеніяхъ Гоголя и Бѣлинскаго представляется умѣстнымъ именно теперь, въ виду полувѣковой годовщины со дня смерти великаго русскаго юмориста. Юбилейныя чествованія памяти Гоголя, принявшія всероссійскій характеръ, пробуждаютъ въ русскомъ читателѣ усиленный интересъ къ Гоголю, а, значитъ, и къ отношенію къ нему В. Г. Бѣлинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ объединеніе всѣхъ данныхъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ писателей и общіе выводы изъ нихъ явятся, кажется, не лишними и для исторіи Гоголевскаго періода русской литературы.

Прежде всего, о личныхъ отношеніяхъ Гоголя и Бѣлинскаго.

ГЛАВА I.

Гоголь и БѢлинскій въ ихъ личныхъ отношеніяхъ.

Еще задолго до личнаго знакомства, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда вышли первыя произведенія Гоголя, БѢлинскій вмѣстѣ со всѣмъ кружкомъ своихъ друзей, группировавшимся возлѣ Станкевича, приходитъ въ неописанный восторгъ при чтеніи „Вечеровъ на хуторѣ“ и „Миргорода“. Одинъ изъ членовъ этого кружка К. С. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о необычайномъ восхищеніи, какое вызывали тогда творенія Гоголя у Московской университетской молодежи, особенно въ кружкѣ Станкевича. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ эпизодъ, рассказанный имъ о чтеніи „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. „Помню, говоритъ онъ, то впечатлѣніе, какое она произвела. Что можетъ равняться радостному, сильному чувству художественнаго откровенія? Какъ освѣжало, ободряло оно души всѣмъ! Какъ самое постепенное появленіе изданій гениальнаго художника оживляло, двигало общество“...¹⁾. Увлеченіе Гоголемъ у БѢлинскаго и его друзей было настолько сильно, что они, не дожидаясь иногда появленія его произведеній въ печати, доставали ихъ въ рукописи и наслаждались ими въ совмѣстномъ чтеніи. Такимъ образомъ была прочитана, напр., повѣсть „Коляска“, напечатанная вскорѣ затѣмъ въ „Современникѣ“. Едва только Станкевичъ прочелъ первыя строки повѣсти, какъ онъ, БѢлинскій и Аксаковъ разразились гомерическимъ, долго не смолкавшимъ смѣхомъ. „Мы смѣялись, поясняетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Аксаковъ, не отъ чего-нибудь забавнаго или смѣшнаго, но отъ внутренняго веселія и радостнаго чувства, которымъ преисполнились мы, держа въ рукахъ и готовясь читать Гоголя.“²⁾. Этотъ забавный случай, такъ безхитростно рассказанный Аксаковымъ, очень ясно показываетъ, какое восторженное отношеніе къ Гоголю господствовало въ кружкѣ Станкевича и БѢлинскаго. Что этотъ послѣдній вполне раздѣлялъ восторги своихъ друзей, видно, между прочимъ, изъ того, какъ онъ отнесся къ его повѣстямъ въ статьѣ, написанной въ 1835-мъ году, подъ заглавіемъ „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя.“ Это увлеченіе Гоголемъ, какъ величайшимъ художникомъ слова, съ выходомъ въ свѣтъ „Ревизора“

¹⁾ Студенческія воспоминанія К. Аксакова „День.“ 1862 г. № 40.

²⁾ Ibid.

еще болѣе усилилось. Оно отразилось, между прочимъ, въ томъ, что многія мѣткія словечки и выраженія Гоголя стали ходячими какъ въ кружкѣ Бѣлинскаго, такъ особенно у него самого. Въ его письмахъ, относящихся къ концу тридцатыхъ годовъ, можно указать немало подобнаго рода заимствованій изъ сочиненій Гоголя. ¹⁾ Вообще письма Бѣлинскаго до знакомства его съ Гоголемъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что его мысль постоянно занята имъ; онъ интересуется малѣйшимъ о немъ извѣстіемъ, выражаетъ большое желаніе съ нимъ познакомиться. Такъ, въ письмѣ къ Панаеву, относящемся къ осени 1838 года, мы, между прочимъ, неожиданно, вѣ связи съ предшествовавшимъ содержаніемъ письма, находимъ такую фразу: „нѣтъ-ли слуховъ о Гоголѣ?“ ²⁾ Очевидно, ему дорого каждое извѣстіе о любимомъ писателѣ. Въ началѣ 1840 года Бѣлинскій писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Боткину: „желалъ-бы что-нибудь знать о Гоголѣ, да К. Аксаковъ не отвѣчаетъ на мои письма—видно, сердится на меня—что же дѣлать.“ ³⁾ Въ этомъ-же письмѣ есть любопытное мѣсто, свидѣтельствующее о томъ, что Бѣлинскій, увлеченный творчествомъ Гоголя и теперь уже понимавшій все огромное общественное значеніе его, ошибочно приписывалъ Гоголю такое же отношеніе къ современной русской дѣйствительности, какое мало по малу вырабатывалось у него самого подъ вліяніемъ жизни въ Петербургѣ въ періодъ времени съ 1839 по 1841 годъ и позднѣе проявилось очень ярко. Вотъ это мѣсто: „вполнѣ понимаю страданія Гоголя и сочувствую имъ. Понимаю и его Sehnsucht къ Италіи. Родная дѣйствительность ужасна... Страшная и гадкая дѣйствительность.“ ⁴⁾ Такъ Бѣлинскій, теперь уже ясно понимавшій весь ужасный смыслъ картины русской жизни, нарисованной Гоголемъ въ его „Ревизорѣ“, готовъ былъ видѣть въ немъ то же отношеніе къ ней, какое установилось у него самого въ сороковые годы. Понятно,

¹⁾ Такъ, въ письмѣ къ Панаеву отъ 25 февраля 1839 года мы находимъ выраженіе „въ головѣ только посвистываетъ“, заимствованное у Гоголя: въ письмѣ къ Станкевичу въ началѣ 1838 года есть выраженіе: „дѣйствительность вытанцовалась“, навѣянное, несомнѣнно, Гоголемъ; или въ его письмѣ къ Боткину въ концѣ 1839 года: „Петербургъ-молодой, молодой человѣкъ, но говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ.“ и мн. др. См. Пыпинъ, Бѣлинскій, т. 1. с. 267, 287; т. 2 с. 7, 10, 14, 21, 28.

²⁾ Пыпинъ, Бѣлинскій, 1, 263.

³⁾ Пыпинъ, Бѣлинскій II, с. 30.

⁴⁾ Пыпинъ, Бѣлинскій ib.

что желаніе познакомиться съ Гоголемъ еще болѣе сильно, чѣмъ прежде, овладѣваетъ имъ. „Ты познакомился съ Гоголемъ,—пишетъ онъ отъ 24 апрѣля 1840 года Боткину,—вотъ такъ поздравляю и даже завидую. Чертовски досадно, что онъ ѣдетъ не черезъ Питеръ, и что я его не увижу,—хоть-бы изъ окна на улицѣ посмотрѣть на него“¹⁾.

Этотъ отрывокъ имѣетъ, между прочимъ, важное значеніе для опредѣленія времени знакомства Вѣлинскаго съ Гоголемъ. Время это до сихъ поръ не установлено точно, и изслѣдователи, пытающіеся опредѣлить его, впадаютъ въ нѣкоторыя противорѣчія. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что данныя, на основаніи которыхъ представляется возможнымъ рѣшить этотъ вопросъ, значительно несогласны другъ съ другомъ. Такъ, если вѣрить С. Т. Аксакову, Гоголь познакомился съ Вѣлинскимъ еще въ 1834 году. Аксаковъ въ своемъ „Знакомствѣ съ Гоголемъ“ рассказываетъ о томъ, какъ Гоголь, проѣздомъ въ Петербургъ, читалъ свою комедію „Женихи“, впоследствии передѣланную въ „Женитьбу“, у Погодина. С. Аксаковъ не могъ однако присутствовать на этомъ чтеніи. Гоголь сожалѣлъ объ этомъ и назначилъ день, въ который общалъ прочесть свою комедію Аксакову и его семейству. Тотъ пригласилъ къ себѣ гостей, которымъ не удалось еще слышать новой пьесы. „Между прочими гостями были Станкевичъ и Вѣлинскій“²⁾. Чтеніе однако не состоялось, потому что Гоголь не захотѣлъ исполнить своего обѣщанія, будучи, вѣроятно, недоволенъ присутствіемъ мало знакомыхъ ему людей. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, Вѣлинскій и Станкевичъ, уже тогда восхищавшіеся его талантомъ, не упустили бы случая познакомиться съ нимъ. Но свѣдѣнія, идущія отъ другихъ современниковъ Гоголя, заставляютъ отнестись нѣсколько недовѣрчиво къ воспоминаніямъ Аксакова. Такъ, А. С. Данилевскій сообщилъ г. Шенроку, что Гоголь познакомился съ Вѣлинскимъ въ Петербургѣ, очевидно, по переѣздѣ туда въ 1839 году послѣдняго, черезъ Комарова, племянника начальника театральной школы³⁾. Съ этими данными, сообщенными Данилевскимъ, согласны и свѣдѣнія Панаева въ его „Воспоминаніи о Вѣлинскомъ“, гдѣ мы читаемъ слѣдующее: „Первое время своей извѣстности Гоголь обыкновенно, пріѣзжая въ Петербургъ, останавливался у Прокоповича и часто бывалъ у К..... Здѣсь встрѣчался съ нимъ

¹⁾ Пыпинъ, Вѣлинскій, II, с. 42.

²⁾ Исторія моего знакомаго съ Гоголемъ С. Аксакова. Р. Арх. 1390 г., II, с. 10.

³⁾ Срав. Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя, т. II, с. 191.

Бѣлинскій¹⁾. Г. Шенрокъ пытается примирить все эти свѣдѣнія, высказывая предположеніе, что въ Москвѣ у Аксаковыхъ Гоголь только мимо-летно встрѣтился съ Бѣлинскимъ, а болѣе близкое знакомство между ними произошло позднѣе въ Петербургѣ, какъ объ этомъ говорятъ Данилевскій и Панаевъ. При этомъ авторъ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“ настаиваетъ, что это знакомство имѣло мѣсто въ концѣ 1839 года. Вотъ его соображенія. „Такъ какъ Бѣлинскій прибылъ въ Петербургъ въ концѣ октября 1839 года, т. е. именно въ то время, когда тамъ особенно долго (около полутора мѣсяца) оставался Гоголь, то и не можетъ быть сомнѣнія, что именно въ эту пору они только и могли часто встрѣчаться другъ съ другомъ, такъ какъ въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Россію Гоголь, хотя и былъ два раза въ Петербургѣ, но всего по нѣсколько дней... Напротивъ, въ 1840 и 1841 гг. Бѣлинскій не могъ бы, при мимолетномъ знакомствѣ, составить вполнѣ опредѣленное представленіе о характерѣ Гоголя“²⁾. Другой изслѣдователь—г. Барсуковъ въ шестой книгѣ своей большой работы „Жизнь и труды М. П. Погодина“ относитъ знакомство Гоголя съ Бѣлинскимъ къ 1842 году. По его мнѣнію, это знакомство произошло въ Москвѣ въ одинъ изъ пріѣздовъ туда Бѣлинскаго³⁾. Однако ни мнѣніе г. Шенрока, ни тѣмъ болѣе г. Барсукова, не имѣющее равно никакого фактическаго основанія, не можетъ быть признано соответствующимъ дѣйствительности, ибо оба они не принимаютъ въ расчетъ одного важнаго свѣдѣнія, идущаго отъ самого Бѣлинскаго и если не устанавливающаго момента знакомства его съ Гоголемъ, то, во всякомъ случаѣ, опредѣленно указывающаго, ранѣе какого времени это знакомство не могло состояться. Это—цитованный выше отрывокъ изъ письма отъ 24 апрѣля 1840 года къ Боткину, гдѣ онъ заявляетъ о томъ, что „завидуетъ“ своему другу, познакомившемуся съ Гоголемъ, и высказываетъ желаніе „хоть бы изъ окна посмотрѣть на него“. Ничего подобнаго не писалъ бы Бѣлинскій, если бы уже былъ знакомъ съ Гоголемъ. Самымъ вѣроятнымъ поэтому представляется именно то, что опровергаетъ г. Шенрокъ: знакомство Гоголя съ Бѣлинскимъ произошло въ 1840 или 1841 году (въ Петербургѣ черезъ Комарова, какъ объ этомъ согласно говорятъ Данилевскій и Панаевъ).

¹⁾ Панаевъ, Воспоминаніе о Бѣлинскомъ, Совр. 1860 г., стр. 364.

²⁾ Шенрокъ, означ. сочин., т. IV, с. 44—5.

³⁾ Срав. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. VI, с. 266.

Каковы же были результаты этого знакомства, насколько оно сблизило двухъ великихъ дѣятелей русской литературы, какъ отнеслись они другъ къ другу, отразилось-ли это знакомство на общемъ настроеніи и міровоззрѣніи Гоголя и какъ повліяло на отношеніе къ нему Бѣлинскаго, — вотъ тѣ вопросы, которые сами собою приходятъ въ голову, когда задумываешься о значеніи этого кажущагося съ перваго раза незначительнымъ факта. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ для отвѣта на нихъ ясными и опредѣленными данными, и потому приходится ограничиваться болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями.

Едва-ли Гоголь произвелъ благопріятное впечатлѣніе на Бѣлинскаго своею личностью. Начать съ того, что Бѣлинскій, восторженно относившійся къ литературной дѣятельности Гоголя, ставившій его выше всѣхъ современныхъ писателей, невольно долженъ былъ предъявлять къ нему слишкомъ строгія требованія, какъ къ человѣку. Онъ заранѣе идеализировалъ его, настроилъ себя къ тому, чтобы увидѣть въ немъ необыкновенное, высоко благородное и прекрасное существо. Въ такихъ случаяхъ всегда при столкновеніи съ дѣйствительностью ощущается нѣкоторое недовольство и разочарованіе; испыталъ его, по всей вѣроятности, и Бѣлинскій. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что Гоголь, всегда отличавшійся значительной замкнутостью и скрытностью характера, вызывавшей обыкновенно непріятное впечатлѣніе у новыхъ его знакомыхъ, къ началу сороковыхъ годовъ сталъ проявлять въ сношеніяхъ съ людьми въ большей степени, чѣмъ прежде, нѣкоторую неискренность. Сверхъ того у Гоголя были еще свои особыя причины, почему онъ не находилъ для себя удобнымъ и безопаснымъ обнаруживать къ Бѣлинскому слишкомъ большую пріязнь и вниманіе. Въ этомъ отношеніи онъ велъ себя съ Бѣлинскимъ такъ, какъ и Пушкинъ, опасавшійся всякихъ „наблюдателей“, которымъ могло-бы очень не понравиться его сближеніе со знаменитымъ критикомъ¹⁾. Дѣло въ томъ, что Московскіе друзья Гоголя въ началѣ сороковыхъ годовъ были въ высшей степени враждебно настроены противъ Бѣлинскаго. Послѣдній вполне справедливо считался ими вожакомъ противоположной по убѣжденіямъ партіи западниковъ, которая такъ горячо и талантливо нападала на основныя тезисы ихъ ученія. Общій характеръ и направленіе „Отечественныхъ Записокъ“, въ которыхъ работалъ Бѣлинскій, были въ высокой степени непріятны имъ. Самыя похвалы, расточаемыя Бѣлинскимъ Гоголю, только заставляли ихъ

¹⁾ Сов. 1861 г., с. 313.

опасаться, какъ бы враждебная партія не уговорила его принять участіе въ органѣ западниковъ. На это неудовольствіе Московскихъ славянофиловъ, вызванное знакомствомъ Гоголя съ Бѣлинскимъ, достаточно указываетъ слѣдующій отрывокъ изъ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ“ С. Аксакова: „У насъ—писалъ Аксаковъ,—возникло подозрѣніе, что Гоголь имѣлъ сношеніе съ Бѣлинскимъ *секретно отъ насъ*, потому что въ это время мы всѣ уже терпѣть не могли Бѣлинскаго, переѣхавшаго въ Петербургъ для сотрудничества въ изданіи „Отечественныхъ Записокъ“ и обнаружившаго гнусную враждебность къ Москвѣ, къ русскому человѣку и ко всему нашему русскому направленію“¹⁾. Подобнаго рода отношеніе къ Бѣлинскому со стороны лицъ, связями съ которыми очень дорожилъ Гоголь, не могло не побудить его быть очень сдержаннымъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Бѣлинскому.

Тѣмъ не менѣе, не сближаясь съ Бѣлинскимъ, Гоголь не упустилъ однако случая воспользоваться его помощью при разрѣшеніи и напечатаніи перваго тома „Мертвыхъ душъ“. Послѣ того, какъ попытка получить въ Москвѣ цензурное разрѣшеніе на печатаніе „Мертвыхъ душъ“ не увѣнчалась успѣхомъ, Гоголь рѣшилъ хлопотать черезъ Петербургскую цензуру. Въ это время какъ разъ былъ въ Москвѣ Бѣлинскій, который, несмотря на неблагоприятное впечатлѣніе отъ перваго знакомства съ Гоголемъ, съ большой охотой согласился взять на себя это бремя въ Петербургѣ. По полученіи рукописи (она, кажется, была послана Гоголемъ въ началѣ января 1842-го года) Бѣлинскій вмѣстѣ съ другими лицами хлопоталъ о разрѣшеніи ея къ печати. Сохранилось любопытное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю отъ 20 апрѣля 1842 года, въ которомъ онъ извиняется, что долго не сообщалъ ничего о ходѣ даннаго ему порученія, и вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ слѣдующее: „очень жалѣю, что „Москвитянинъ“ взялъ у васъ все, и что для „Отечественныхъ Записокъ“ нѣтъ у васъ ничего. Я увѣренъ, что это дѣло судьбы, а не вашей доброй воли или вашего исключительнаго расположенія въ пользу „Москвитянина“ и къ невыгодѣ „Отечественныхъ Записокъ“²⁾. Изъ этихъ строкъ ясно, что раньше, по всей вѣроятности при личномъ свиданіи въ Москвѣ, Бѣлинскій приглашалъ Гоголя принять участіе въ „О. В.“ и получилъ, быть можетъ, позднѣе, въ письмѣ при

¹⁾ Р. Арх. 1890, II, с. 54.

²⁾ Рус. Стар. 1889, с. 143; перепечатано въ „Матеріалахъ для біографіи Гоголя“ Шенрока, т. IV, с. 917.

посылкѣ „Мертвыхъ душъ“, уклончивый отвѣтъ, сводящійся къ тому, что въ данное время нѣтъ ничего готоваго, что можно было бы помѣстить въ журналъ. Въ этомъ же письмѣ БѢлинскій сообщалъ: „съ нетерпѣніемъ жду выхода „Мертвыхъ душъ“... Думаю написать нѣсколько статей вообще о вашихъ сочиненіяхъ. Съ особенною любовью хочется мнѣ поговорить о милыхъ мнѣ „Арабескахъ“, тѣмъ болѣе, что я виноватъ передъ ними; во время оно я съ жестокою запальчивостью изрыгнулъ хулу на ваши въ „Арабескахъ“ статьи ученаго содержанія, не понимая, что тѣмъ изрыгалъ „хулу на духа“. Такъ пытался БѢлинскій успокоить авторское самолюбіе Гоголя, которое легко могло быть задѣто упомянутымъ отзывомъ объ „Арабескахъ“, чтобы тѣмъ болѣе склонить его на сторону „Отечественныхъ Записокъ“. Однако Гоголь, несмотря на лестное вниманіе къ нему БѢлинскаго, воздерживался отъ болѣе близкихъ съ нимъ сношеній. Онъ даже не отвѣтилъ БѢлинскому на цитованное только что письмо. Въмѣсто того онъ писалъ слѣдующее Прокоповичу: „Я получилъ письмо БѢлинскаго. Поблагодари его. Я не пишу къ нему, потому что ни минуты не имѣю времени и потому, что, какъ самъ онъ знаетъ, обо всемъ нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній проѣздъ мой черезъ Петербургъ“¹⁾. Уклоняясь отъ болѣе интимныхъ отношеній къ БѢлинскому, Гоголь былъ однако не прочь воспользоваться его услугами, какъ популярнаго критика. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Прокоповичу (отъ 15 мая 1842 г.) онъ писалъ: „попроси БѢлинскаго, чтобы сказалъ что-нибудь о моей книгѣ въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ея“²⁾.

Несмотря однако на все это, БѢлинскій, не придавая большого значенія нѣкоторой неискренности въ отношеніяхъ къ нему Гоголя, всѣми средствами старался быть ему полезнымъ. Такъ, вмѣстѣ съ Прокоповичемъ, давнишнимъ другомъ Гоголя, онъ держалъ корректуру его сочиненій и раздѣлялъ другія хлопоты по новому изданію³⁾. Между тѣмъ именно около этого времени и немного ранѣе, начиная примѣрно съ первыхъ мѣсяцевъ 1842 года, отношенія между БѢлинскимъ и Гоголемъ все болѣе и болѣе становятся натянутыми. До БѢлинскаго дошелъ черезъ Воткина недобро-

¹⁾ Письма Гоголя, ред. Шенрока, т. II, с. 158.

²⁾ Ibid. т. II, с. 171.

³⁾ Срав. объ этомъ письмо Прокоповича къ Гоголю отъ 21-го октября 1842 года. Шенрокъ. Матер. для біограф. Гоголя, т. IV, с. 53—54.

желательный отзывъ Гоголя по поводу его „неуваженія къ Державину“, отзывъ, аналогичный тому, что говорилъ о немъ Шевыревъ. Конечно, для Бѣлинскаго было въ высшей степени тяжело узнать, что любимый писатель относится къ нему такъ, какъ и литературный недругъ, ненавистный по своему міровоззрѣнію. Это чувство душевной боли очень ярко отразилось въ слѣдующихъ словахъ письма Бѣлинскаго къ Боткину отъ 31-го марта 1842 г.: „неуваженіе къ Державину“ возмутило мою душу чувствомъ болѣзненнаго отвращенія къ Гоголю. Ты правъ, — въ этомъ кружкѣ онъ какъ разъ сдѣлается органомъ „Москвитянина“... „Римъ“ — много хорошаго. Но есть фразы, а взглядъ на Парижъ возмутителенъ¹⁾. Черезъ пять дней Бѣлинскій пишетъ тому же Боткину: „Страшно подумать о Гоголѣ; вѣдь, во всемъ, что онъ написалъ, — одна натура, какъ въ животномъ. Невѣжество абсолютное“²⁾. На основаніи этихъ строкъ можно было бы думать, что Гоголь, какъ личность, совершенно опредѣлился для Бѣлинскаго, и онъ вполне разочаровался въ немъ. Однако Бѣлинскій все еще пытался привлечь Гоголя въ число сотрудниковъ „О. З.“ или, по крайней мѣрѣ, выяснить его отношеніе къ нимъ. Но, быть можетъ, боясь навсегда прервать съ нимъ сношенія, онъ не рѣшался поставить вопросъ прямо, хотя, повидимому, и хотѣлъ это сдѣлать. Къ такому заключенію приводитъ насъ, съ одной стороны, письмо его отъ 20-го апрѣля, а съ другой, — замѣчанія о немъ въ письмѣ къ Боткину, написанномъ въ тотъ же день. „Я къ Гоголю послалъ письмо, — писалъ Бѣлинскій своему другу, — прилагаю черновое: изъ него ты увидишь, что я повернулъ круто — оно и лучше: къ черту ложныя отношенія — знай нашихъ — и люби и уважай; а не любишь, не уважаешь — не знай совѣмъ“³⁾. Къ сожалѣнію, черновка письма къ Гоголю, посланная Боткину, не сохранилась, и потому мы не можемъ судить, насколько она отличалась отъ чистового текста, полученнаго Гоголемъ. Несомнѣнно только, что разница между черновымъ и чистовымъ письмомъ была и, вѣроятно, довольно существенная: въ общемъ, это письмо Бѣлинскаго, въ томъ видѣ, какъ его получилъ Гоголь, написано очень дружески и деликатно, такъ что выраженіе Бѣлинскаго: „я повернулъ круто“ совѣмъ къ нему непримѣнимо. Надо полагать, въ черновомъ текстѣ Бѣлинскій высказался съ обычной своей прямою и искрен-

¹⁾ Пыпинъ, Бѣлинскій, II, с. 147—8.

²⁾ Ib., стр. 149.

³⁾ Пыпинъ, Бѣлинскій, II, стр. 153.

ностью, но потомъ, при перепискѣ, многое измѣнилъ. Это стремленіе смягчить нѣкоторыя отдѣльныя выраженія сказалось, между прочимъ, въ поправкахъ и зачеркнутыхъ строчкахъ въ чистовомъ текстѣ. Характерно, что это письмо БѢлинскій, сверхъ своего обыкновенія, написалъ предвѣрительно начерно: очевидно, онъ чувствовалъ, что не такъ-то легко будетъ для него „вернуть круто“, т. е. потребовать отъ Гоголя опредѣленнаго отвѣта о томъ, какъ онъ относится къ „Отечественнымъ Запискамъ“, но сдѣлать это въ такомъ видѣ, чтобы не подорвать и безъ того не особенно близкія и искреннія со стороны Гоголя отношенія. Какъ извѣстно, Гоголь ничего не отвѣтилъ БѢлинскому и тѣмъ оставилъ его въ прежнемъ тягостномъ недоумѣніи.

Такимъ образомъ, столь желаемое БѢлинскимъ знакомство съ Гоголемъ, съ перваго же момента омраченное нѣсколько холоднымъ и не вполне искреннимъ отношеніемъ со стороны автора „Ревизора“, въ скоромъ времени стало для него источникомъ новыхъ безпокойствъ и волненій, вызываемыхъ, съ одной стороны, сознаніемъ того, что съ Гоголемъ никакъ не устанавливаются желательныя отношенія, а съ другой—боязнью, что друзья Гоголя, группировавшіеся около „Москвитянина“, вполне обратятъ его въ свою вѣру.

Однако, если личныя отношенія къ Гоголю не удовлетворяли БѢлинскаго, который все болѣе и болѣе понималъ, что не можетъ вполне считать его человѣкомъ своей партіи, онъ попрежнему высоко ставилъ значеніе его дѣятельности въ дѣлѣ развитія русской литературы и общественнаго самосознанія. Вотъ почему, когда вышли изъ печати „Мертвыя души“, БѢлинскій вновь выступилъ восторженнымъ защитникомъ Гоголя и, разобравъ въ общихъ чертахъ новое произведеніе въ отдѣльной статьѣ, неоднократно возвращался къ нему, съ неослабѣвающей энергіей отстаивая свою прежнюю точку зрѣнія на творчество Гоголя, полемизируя на этой почвѣ съ другими критиками, какъ порицавшими, такъ и восхищавшимися новымъ созданіемъ.

Послѣ 1842 года БѢлинскій, кажется, ни разу не встрѣчался съ Гоголемъ. Неизвѣстно также, чтобы между ними существовала переписка вплоть до 1847 года, когда вышли въ свѣтъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. Эта книга, вызвавшая столь много разнообразныхъ отзывовъ и толковъ ¹⁾, которою даже нѣкоторые самые близкіе друзья

¹⁾ См. объ этомъ у Барсукова „Жизнь и труды Погодина“, т. VIII, стр. 522—596 и сл. Также у Шенрока „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. IV, стр. 464—532 и сл.

Гоголя, какъ, напр., С. Аксаковъ, были глубоко возмущены и оскорблены, какъ громомъ поразила Бѣлинскаго. Цѣлыхъ два мѣсяца (январь и февраль) онъ то и дѣло въ своихъ письмахъ заводитъ рѣчь о „Перепискѣ“, и это показываетъ, какъ долго онъ не могъ успокоиться послѣ удара, нанесеннаго ему этой книгой. Въ теченіе января мѣсяца онъ написалъ о ней небольшую и, надо признаться, достаточно блѣдную и по содержанію и по формѣ статью, напечатанную во второй книжкѣ „Современника“ за 1847 г.

Разборъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ произвелъ, между прочимъ, неблагоприятное впечатлѣніе на Боткина, и тотъ въ письмѣ къ Бѣлинскому указалъ, что онъ написанъ „безъ довольной обдуманности и нѣсколько съ плеча, тогда (какъ) за дѣло надо было взяться съ тонкостью“. Въ отвѣтъ на это письмо Бѣлинскій подробно разъяснилъ, почему его статья вышла неудачной. „Я не юмористъ, не острякъ; иронія и юморъ—не мои оружія. Природа осудила меня лаять собакой и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по-лиси... Статья о гнусной книгѣ Гоголя могла бы выйти замѣчательно хорошою, если бы я въ ней могъ, зашмутивъ глаза, отдаться моему негодованію и бѣшенству. Всѣ лучшія мои статьи нисколько не обдуманы. Это—импровизаціи... Но (эту) статью я обдумалъ и потому впередъ зналъ, что отличною она не будетъ, и бился изъ того только, чтобы она была дѣльна и показала гнусность. И она такою вышла у меня, а не такою, какъ ты прочелъ ее¹⁾. Ты упрекаешь меня, что я разсердился и не совладалъ съ моимъ гнѣвомъ. Да (я) этого и не хотѣлъ. Терпимость къ заблужденію я еще понимаю и цѣню, по крайней мѣрѣ въ другихъ, если не въ себѣ, но терпимость къ подлости я не терплю... Гоголь—это Талейранъ, кардиналъ Фешъ, который всю жизнь обманывалъ Бога а при смерти надулъ сатану“²⁾. Обходя молчаніемъ любопытныя данныя, которыя можно было бы извлечь изъ этого письма для характеристики литературнаго и нравственнаго облика Бѣлинскаго, обратимъ вниманіе на его отношеніе къ Гоголю, какъ автору „Переписки съ друзьями“. Во всемъ письмѣ такъ и сквозитъ едва сдерживаемое негодованіе противъ автора „Переписки“; чувствуется, что Бѣлинскій не можетъ даже теперь, почти черезъ два мѣ-

¹⁾ Намекъ на редакціонныя и цензурныя сокращенія, которыми статья была уменьшена чуть-ли не на одну треть (см. въ томъ-же письмѣ ниже).

²⁾ Пыпинъ, Бѣлинскій, II, с. 276—8.

сяца, говорить хладнокровно объ этой книгѣ. Какъ бы сознавая слабыя стороны своей статьи, Бѣлинскій, желая дать надлежащую оцѣнку „Перепискѣ съ друзьями“ для читателей „Современника“, хлопоталъ о томъ, чтобы этотъ журналъ перепечаталъ извѣстные „письма къ Н. В. Гоголю“ Н. О. Павлова, помѣщенные въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и чрезвычайно понравившіяся Бѣлинскому¹⁾.

Книжку „Современника“ со статьей Бѣлинскаго о „Перепискѣ“ Гоголь получилъ въ Неаполѣ 23 апрѣля²⁾ и, по всей вѣроятности, немедленно прочелъ разборъ своей книги, написанный Бѣлинскимъ, ибо онъ болѣзненно интересовался всякимъ отзывомъ о „Перепискѣ“. Легко представить себѣ, какъ должно было подѣйствовать на Гоголя это чтеніе. Для него теперь уже было отлично извѣстно, какую роль играли въ Россіи статьи Бѣлинскаго, и какъ много теряла его книга, вызвавъ враждебный отзывъ знаменитаго критика. О впечатлѣніи, произведенномъ на него чтеніемъ этого отзыва, мы узнаемъ прежде всего изъ его письма къ Прокоповичу, написаннаго 20-го іюня 1847 года. „Я прочелъ на дняхъ критику во второмъ номерѣ „Современника“ Бѣлинскаго. Онъ, кажется, принялъ всю книгу на писанную на его собственный счетъ и прочиталъ въ ней формальное нападеніе на всѣхъ, раздѣляющихъ его мысли. Это неправда... Вѣроятно, онъ принялъ на свой счетъ козла, который былъ обращенъ къ журналистамъ вообще. Мнѣ было очень прискорбно это раздраженіе... Я считалъ Бѣлинскаго возвышеннѣй, менѣе способнымъ къ такому близорукому взгляду и мелкимъ заключеніямъ“³⁾. Это письмо какъ нельзя лучше показываетъ, какъ мало было способенъ въ это время Гоголь отнестись вполнѣ спокойно и объективно къ отзывамъ о своей книгѣ. Съ поразительной близорукостью онъ объяснялъ рѣзкую статью Бѣлинскаго стремленіемъ послѣдняго свести личные счеты... Въѣстѣ съ этимъ посланіемъ Гоголь отправилъ на имя Прокоповича и „письмецо“ для Бѣлинскаго, которое онъ долженъ былъ передать знаменитому критику.

Прокоповичъ немедленно по полученіи письма отвѣтилъ Гоголю и старался разубѣдить его въ ложномъ мнѣніи относительно Бѣлинскаго. „Зная Бѣлинскаго давно,—писалъ онъ,—я не могу не быть увѣреннымъ, что ни одна строчка его не назначалась мщенію за личное оскорбленіе. Почему не судить

¹⁾ См. объ этомъ Пыпина Бѣлинскій, 2, с. 282.

²⁾ Письма Гоголя, ред. Шенрока т. 3 с. 495—496.

³⁾ Р. Ст. 1884, № 1. с. 171.

проще и не принимать всего сказаннаго имъ встрѣчѣ совершенно противоположныхъ другъ другу убѣжденій... Бѣлинскій не говорилъ хладнокровно о прежнихъ твоихъ сочиненіяхъ: могъ ли онъ говорить хладнокровно и о послѣднихъ?"¹⁾ Здѣсь же Прокоповичъ сообщалъ Гоголю, что онъ уже послалъ его „письмецо“ Бѣлинскому въ Силезію, въ Зальцбруннъ.—Это „письмецо“ представляетъ собою отвѣтъ на отзывъ Бѣлинскаго о „Перепискѣ съ друзьями.“ Оно поражаетъ своимъ тономъ напускного, неискренняго смиренія, сквозь которое порой очень сильно проглядываетъ страшное самомнѣіе. „Я прочелъ съ прискорбіемъ, писалъ Гоголь, статью вашу обо мнѣ во второмъ номерѣ „Современника.“ Не потому, чтобы мнѣ прискорбно было униженіе, въ которое вы хотите меня поставить въ виду всѣхъ, но потому, что въ ней слышится голосъ человѣка, на меня разсердившагося. А мнѣ не хотѣлось бы разсердить даже не любившаго меня человѣка, тѣмъ болѣе васъ, о которомъ я всегда думалъ, какъ о человѣкѣ, меня любящемъ.“ Такъ начинается это письмо. Но черезъ нѣсколько строкъ Гоголь измѣняетъ развзятому тону, далеко еще не вполне гармонизовавшему съ его тогдашнимъ душевнымъ настроеніемъ, и даетъ почувствовать Бѣлинскому, какъ глупока по своему сокровенному смыслу, недоступному для многихъ, его книга и какъ она не понята имъ. Вся дальнѣйшая часть письма написана тономъ, въ которомъ такъ и чувствуется высокомеріе, сознаніе своего духовнаго превосходства, желаніе прочесть поученіе Бѣлинскому. „Вы взглянули на мою книгу глазами разсерженнаго человѣка,—писалъ между прочимъ Гоголь,—и потому почти все приняли въ дурномъ видѣ. Оставьте всѣ тѣ мѣста, которыя покажутся еще загадка для многихъ, если не для всѣхъ (sic!), и обратите вниманіе на тѣ мѣста, которыя доступны всякому здравому и разсудительному человѣку, и вы увидите, что вы ошиблись во многомъ. Я очень не даромъ молилъ всѣхъ прочесть мою книгу нѣсколько разъ, предугадывая впередъ всѣ эти недоразумѣнія. Повѣрьте, что не легко судить о такой книгѣ, гдѣ замѣшалась собственная душевная исторія человѣка, непохожаго на другихъ,“ и т. д. Онъ упрекаетъ Бѣлинскаго, что тотъ безъ должнаго вниманія прочелъ его книгу и слишкомъ поторопился „съ подачей собственного своего голоса о ней,“ что его статья вслѣдствіе этого „исполнена оплошныхъ выводовъ.“ Однако по существу Гоголь почти вовсе не возражаетъ на статью Бѣлинскаго, если не считать его за-

¹⁾ Шенрокъ. Матеріалы и т. д. т. 4 с. 558.

мбчанія о томъ, что, признавая много справедливаго за отзывами о немъ Булгарина, Сеньковского и Полевого, онъ хотѣлъ только быть безпристрастнымъ и вовсе не отрицалъ, что критики, говорившіе о его достоинствахъ, несправедливы. Письмо оканчивается слѣдующими словами: „мнѣ тяжело, очень тяжело (говорю это вамъ истинно), когда противъ меня питаешь личное озлобленіе ¹⁾ даже и злой человѣкъ, не только добрый, а я васъ считаю за добраго человѣка.“ ²⁾ Такимъ образомъ, и въ письмѣ къ Бѣлинскому, какъ и раньше, въ письмѣ къ Прокоповичу, Гоголь не смогъ отрѣшиться отъ безусловно невѣрной точки зрѣнія, будто разборъ „Переписки“ во второй книгѣ „Современника“ былъ результатомъ чистоличнаго раздраженія противъ него Бѣлинскаго.

Это посланіе Бѣлинскій получилъ лѣтомъ въ Зальцбруннѣ въ Силезіи, куда онъ отправился въ началѣ мая 1847 года для лѣченія все болѣе и болѣе усиливавшагося недуга—чахотки. Въ отвѣтъ на него онъ написалъ свое поистинѣ знаменитое письмо отъ 15 іюля 1847 года. Трудно указать въ русской литературѣ что-нибудь подобное этому письму, какъ по необычайной силѣ и страстности его общаго тона, такъ и потому, что въ немъ нашло себѣ яркое выраженіе общественно-политическое міровоззрѣніе не только самого Бѣлинскаго и его ближайшихъ единомышленниковъ, но и цѣлаго ряда передовыхъ поколѣній русскаго общества, ратующихъ противъ установившихся формъ общественно-политической жизни. По исполнѣ понятнымъ причинамъ, это письмо долгое время не могло даже въ извлеченіи появиться въ печати ³⁾.

Тѣмъ не менѣе еще при жизни Бѣлинскаго оно въ рукописномъ видѣ стало достояніемъ русскаго общества и въ извѣстномъ процессѣ Петрашевцевъ служило однимъ изъ самыхъ тяжкихъ corpus delicti. Мы остановимся на немъ только въ такой мѣрѣ, насколько оно проливаетъ свѣтъ на взаимныя отношенія Гоголя и Бѣлинскаго.

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Письма Гоголя, т. 3, с. 491—493.

³⁾ Впервые отрывки изъ него были напечатаны въ іюльской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1872 годъ, въ статьѣ Пыпина о Бѣлинскомъ. Въ болѣе полномъ видѣ его можно найти во второмъ томѣ изслѣдованія Пыпина: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка.“ Наименьшее число пропусковъ при перепечатываніи этого письма сдѣлано въ изслѣдованіи г. Барсукова: „Жизнь и труды Погодина“, т. 7, с. 596—607.

Отвѣчая на упрёки Гоголя, будто онъ изъ чисто личнаго раздраженія обрушился на „Переписку съ друзьями“, Бѣлинскій говоритъ: „Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось только въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины (и) человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель... Да если бы вы обнаружили покушеніе на самую жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, (чѣмъ) за эти позорныя строки... Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ. Тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи“. Такъ въ разныхъ мѣстахъ своего письма старается Бѣлинскій убѣдить Гоголя, что вовсе не личные счеты сводилъ онъ съ нимъ въ своей статьѣ, когда такъ сурово отзывался объ его книгѣ. Онъ былъ до глубины души возмущенъ, прежде всего, полнымъ, по его мнѣнію, непониманіемъ со стороны Гоголя современнаго положенія Россіи. Гоголь, какъ утверждаетъ Бѣлинскій, глубоко зналъ Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго онъ такъ неудачно принялъ на себя. „Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности... Самые живые, національные вопросы въ Россіи теперь уничтоженіе крѣпостнаго права, ослабленіе тѣлеснаго наказанія, введеніе, по возможности, строгаго исполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть... И въ это время великій писатель, который своими дивно художественными, глубоко истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ въ зеркалѣ, является съ книгою, въ которой, во имя Христа и церкви, учить варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, ругая ихъ „неумытыми рылами“. Проповѣдникъ кнута, апостоль невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣія, панегиристъ татарскихъ нравовъ,—продолжаетъ онъ дальше,—что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги,—вѣдь, вы стоите надъ бездною“.

Не менѣе негодуетъ Бѣлинскій и по поводу того ложнаго смиренія, которымъ проникнута „Переписка съ друзьями“. „Смиреніе, проповѣдуемое вами, во-первыхъ, не любовь; а во-вторыхъ, отзывается съ одной стороны, странной гордостью, а съ другой—самымъ позорнымъ уни-

женіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ, можетъ быть плодомъ или гордости, или слабоумія и въ обоихъ случаяхъ ведетъ къ лицемерію, ханжеству, китаизму. И при этомъ вы позволили себѣ цинически-грязно выражаться не только о другихъ (что было бы только невѣжество), но и о самомъ себѣ. Это уже гадко, потому что человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, но человѣкъ, бьющій по щекамъ самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе“.

Взгляды на русскую жизнь, православіе, духовенство, народное просвѣщеніе, положеніе закрѣпощеннаго народа, высказанные въ „Перепискѣ съ друзьями“, были до такой степени ненавистны Бѣлинскому, что онъ не допускаетъ мысли, чтобы ихъ могъ искренно исповѣдывать авторъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“. По его мнѣнію, „Переписка съ друзьями“ есть „хитрая, но черзчуръ нецеремонная продѣлка для достиженія небеснымъ путемъ чисто земной цѣли“. Упреки въ неискренности неоднократно повторяетъ Бѣлинскій въ своемъ письмѣ. Вотъ одно наиболее сильное въ этомъ отношеніи мѣсто. „Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искренности подобныхъ убѣжденій. Что кажется естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ геніальномъ человѣкѣ. Нѣкоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственного разстройства, близкаго къ положительному сумасшествію, но они скоро отступились отъ такого заключенія: ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а, можетъ быть, годъ, два или три; въ ней есть связь, сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ предержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну Настѣдника. Еще прежде въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашими сочиненіямъ въ Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете недовольствіе своими прежними произведеніями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочиненіями, когда тотъ, который и т. д. Теперь судите сами, можно-ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ писателя и еще болѣе какъ человѣка“¹⁾.

¹⁾ Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю цитовано по соч. Барсукова „Жизнь и труды Погодина“, т. 8, стр. 596—607.

Оканчивается письмо пожеланіемъ, чтобы Гоголь отрекся отъ послѣдней своей книги и тяжкій грѣхъ ея изданія искупилъ новыми твореніями, напоминающими прежнія. Такимъ образомъ, глубоко возмущаясь міровоззрѣніемъ Гоголя, ясно опредѣлившимся въ „Перепискѣ съ друзьями“, Бѣлинскій объяснялъ себѣ самый фактъ появленія этой книги не чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ автора лучше устроить свое матеріальное положеніе. Насколько былъ правъ или неправъ знаменитый критикъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Гоголю, будетъ ясно изъ дальнѣйшаго; теперь же остановимся на томъ впечатлѣніи, какое произвело на Гоголя разсмотрѣнное только что письмо.

Извѣстно два текста отвѣта Гоголя Бѣлинскому, рѣзко отличающіеся по своему характеру другъ отъ друга. Первоначально Гоголь написалъ большое (7 печатныхъ страницъ въ изданіи писемъ Гоголя подъ редакціей Шенрока) и очень рѣзкое письмо, но потомъ одумался, изорвалъ его въ клочки и вмѣсто него послалъ сравнительно очень короткій отвѣтъ совершенно другого характера. Сопоставленіе этихъ писемъ представляется очень любопытнымъ, такъ какъ оно проливаетъ довольно яркій свѣтъ на настроеніе Гоголя въ 1847 году. Первое письмо ¹⁾ ясно показываетъ, что изсланіе Бѣлинскаго произвело на Гоголя страшное впечатлѣніе. Онъ прежде всего былъ очень раздраженъ явно, по его мнѣнію, несправедливыми обвиненіями. „Какъ мнѣ защищаться противъ вашихъ нападеній,—писалъ Гоголь,—когда нападенія невольно?.. Вы говорите, что вы прочли будто его разъ мою книгу, тогда какъ ваши-же слова говорятъ, что вы ее не читали ни разу. Глѣвъ отуманилъ глаза вамъ и ничего не далъ вамъ увидѣть въ настоящемъ смыслѣ... Какъ далеко сбились вы съ прямого пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи! въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ приняли вы мою книгу! какъ вы ее истолковали!.. Зачѣмъ было вамъ перемѣнять разъ выбранную, мирную дорогу. Дорога эта привела-бы васъ къ примиренію съ жизнью, дорога эта заставила-бы васъ благословлять все въ природѣ... А теперь уста ваши дышать желчью и ненавистью... Зачѣмъ вамъ съ вашею пылкою душою вдаваться въ этотъ омутъ политической жизни, въ эти мутныя событія современности?..“.

¹⁾ Оно было въ достаточно полномъ видѣ восстановлено П. А. Кулишемъ, издавшимъ впервые письма Гоголя.

Энергично защищаясь противъ обвиненій Бѣлинскаго въ корыстныхъ расчетахъ выпуска въ свѣтъ „Переписки съ друзьями“, Гоголь говоритъ: „своекорыстныхъ цѣлей я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, а тѣмъ болѣе (теперь), когда мнѣ пора подумать о смерти... Ничего не хотѣлъ (я) ею выпрашивать. Это не въ моей натурѣ. Слава Богу, я возлюбилъ свою бѣдность и не промѣняю ее на тѣ блага, которыя вамъ кажутся такъ обольстительными...“.

Но Гоголь не только возражаетъ на обвиненія Бѣлинскаго. Онъ, въ свою очередь, желая отразить его нападки, посылаетъ не мало упрековъ по его адресу, по большей части, въ очень рѣзкой формѣ. Такъ, возражая знаменитому критику на то мѣсто его письма, гдѣ онъ доказываетъ, что Гоголь не имѣетъ никакого понятія о настроеніи русскаго народа, послѣдній пишетъ: „Нѣтъ, нельзя судить о русскомъ народѣ тому, кто прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ, безпрестанно занятый легкими журнальными статейками... Позвольте также сказать, что я болѣе передъ вами имѣю права заговорить о (русскомъ) народѣ. Всѣ мои сочиненія, по единодушному убѣжденію, показываютъ знаніе природы русскаго человѣка..., что подтвердили (и вы) въ вашихъ критикахъ. А что-же вы представите въ доказательство вашего знанія... природы русскаго народа. Что вы произвели такого, въ чемъ видно (это знаніе)?.. Еще изумила меня эта отважная самонадѣянность, съ которой вы говорите что: „я знаю общество наше и духъ его...“ Какими данными вы можете удостовѣрить, что знаете общество? Гдѣ ваши средства къ тому? Показали-ли вы гдѣ-нибудь въ сочиненіяхъ своихъ, что вы глубокой вѣдатель души человѣка?“

Заканчиваетъ это свое письмо Гоголь высококомѣрнымъ совѣтомъ заняться самообразованіемъ: „Начните ученіе. Примитесь за тѣхъ поэтовъ и мудрецовъ, которые воспитываютъ душу. Журнальные занятія вывѣтриваютъ душу, и вы замѣчаете, наконецъ, пустоту въ себѣ. Вспомните, что вы учились кое-какъ и не окончили даже университетскаго курса. Вознаградите (это) чтеніемъ большихъ сочиненій, а не современныхъ брошюръ, писанныхъ разгоряченнымъ (умомъ), совращающимъ съ прямого взгляда“ ¹⁾.

По сдѣланнымъ довольно значительнымъ выдержкамъ изъ черноваго письма Гоголя можно безъ труда увидѣть, какъ сильно задѣтъ былъ онъ

¹⁾ Цитаты изъ этого письма сдѣланы по „Письмамъ Н. В. Гоголя“, ред. Шенрока, т. 4, с. 32—41.

посланиемъ къ нему Бѣлинскаго. Въ каждой строкѣ этого отвѣта такъ и сквозитъ сознаніе тяжелаго личнаго оскорбленія и вызванное имъ раздраженіе. Чувствуется, что, быть можетъ безсознательно, Гоголь стремился за тяжелыя минуты, пережитыя вслѣдствіе чтенія письма Бѣлинскаго, отплатить ему тѣмъ-же и заставить его, въ свою очередь, испытать душевную боль. Въ этомъ письмѣ и помину нѣтъ о томъ смиреніи, которымъ такъ проникнуты многія частныя письма Гоголя этого времени.

Это только лишній разъ подтверждаетъ отмѣченную еще Бѣлинскимъ въ его письмѣ особенность въ настроеніи Гоголя во время работы надъ „Перепиской“: мы имѣемъ въ виду его замѣчанія о томъ, что смиреніе, съ которымъ такъ носился Гоголь, являлось до извѣстной степени напускнымъ, далеко еще не вытекавшимъ изъ всего его существа и міровоззрѣнія. Въ этотъ періодъ жизни Гоголь еще не проникся въ такой степени духомъ смиренномудрія, чтобы не отвѣчать на обиды обидой и на оскорбленіе оскорбленіемъ. Въ немъ далеко еще не было того внутренняго душевнаго мира, которымъ характеризуются люди, вполне проникшіеся завѣтомъ Христа — прощать обиды и не имѣть въ сердцѣ злобы. Обычное, свойственное натурѣ человѣка стремленіе не оставлять безъ отвѣта возводимыя на него обвиненія, особенно если убѣжденъ въ ихъ несправедливости, слишкомъ сильно еще проявляло себя въ Гоголѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его душѣ жила сознанная, но еще не вошедшая въ плоть и кровь его существа увѣренность въ томъ, что истина заключается въ христіанскомъ смиреніи и всепрощеніи. Вотъ почему, послѣ нѣкоторой внутренней борьбы, онъ изорвалъ въ мелкіе куски разсмотрѣнный только-что текстъ отвѣта Бѣлинскому и послалъ ему совсѣмъ другое письмо, которое, при сопоставленіи его съ первымъ, поражаетъ нѣкоторыми очевидными противорѣчіями.

Прежде всего, представляется неискреннимъ самое начало письма, гдѣ Гоголь говоритъ, что онъ, „почти безчувственно“ прочелъ посланіе Бѣлинскаго, будучи потрясенъ полученными раньше письмами о „Перепискѣ“. Здѣсь очевидная несообразность. Ни одно изъ писемъ по поводу „Переписки съ друзьями“ не поразило такъ Гоголя, какъ письмо Бѣлинскаго. Это видно и изъ отвѣта, который онъ хотѣлъ-было послать ему, и, главнымъ образомъ, изъ того, что въ „Авторской исповѣди“ опровергаются почти только обвиненія Бѣлинскаго, заключающіяся въ его разборѣ „Пе-

решиски“ и въ извѣстномъ письмѣ. Затѣмъ, вопреки первоначальному тексту, здѣсь Гоголь признаетъ свое незнаніе и непониманіе Россіи, что онъ такъ гордо отрицалъ раньше. „Мнѣ показалось... непреложной истиной, что я не знаю Россіи, что многое измѣнилось въ ней, какъ я въ ней не былъ, что нынѣ нужно почти сызнова узнавать все то, что есть въ ней теперь... Богъ вѣсть, можетъ быть, въ словахъ вашихъ есть часть правды“ ¹⁾.

Такъ писалъ теперь Гоголь, тогда какъ раньше онъ безусловно отрицалъ даже малѣйшую справедливость словъ Бѣлинскаго. Остальная часть письма заполнена развитіемъ мысли о томъ, что очень трудно разгадать современный вѣкъ, что оба они „равно виноваты передъ нимъ“, такъ какъ „упустили изъ виду современныя дѣла и множество вещей, которыя слѣдовало сообразить“. Заканчивается это небольшое сравнительно письмо (менѣе полутора печатныхъ страницъ) совѣтомъ, оставивъ на время всякіе вопросы, заняться собственнымъ здоровьемъ и пожеланіемъ душевнаго мира и спокойствія.

Черезъ два дня Гоголь писалъ Анненкову и въ этомъ письмѣ онъ еще съ большимъ смиреніемъ говорить о посланіи Бѣлинскаго: „я получилъ письмо отъ Бѣлинскаго, которое меня огорчило не столько оскорбительными словами, устремленными лично на меня, сколько чувствомъ ожесточенія вообще. Послѣднее сокрушительно для его здоровья. Вы теперь примите: отведите отъ него все, возмущающее духъ его“ ²⁾. Очевидно, духъ кротости одержалъ верхъ надъ чувствомъ обиды и раздраженія, и Гоголь, по крайней мѣрѣ наружно, вполне примирился съ Бѣлинскимъ.

На этомъ кажется оканчиваются личныя отношенія Бѣлинскаго и Гоголя. Такъ можно предполагать, потому что неизвѣстно болѣе позднихъ писемъ ни того, ни другого, адресованныхъ ими другъ къ другу, равно какъ въ письмахъ Бѣлинскаго нѣтъ упоминанія о Гоголѣ и наоборотъ. Бѣлинскій въ это время былъ уже на краю могилы: черезъ девять съ немногимъ мѣсяцевъ его не стало. Что касается до Гоголя, то онъ настолько былъ погруженъ въ совершавшійся въ немъ духовный кризисъ, что всякія личныя отношенія, особенно на литературной почвѣ, отошли вскорѣ совсѣмъ на задній планъ, и онъ, быть можетъ, и не вспоминалъ о Бѣлинскомъ и о той тяжелой схваткѣ, которой закончились ихъ личныя отношенія. „Схватка эта, справедливо говоритъ г. Шенрокъ, самымъ противникамъ

¹⁾ Письма Гоголя, ред. Шенрока, т. 4, с. 44—46.

²⁾ Письма Гоголя подъ ред. Шенрока, т. 4, с. 46—47.

не принесла ничего, кромѣ вредныхъ страданій и глубокаго нравственнаго потрясенія; на глазахъ читающей публики разыгралась кровавая драма, актерами и жертвами которой были люди, страстно искавшіе, каждый по своему, истины и свѣта, но съ безповоротно опредѣлившимися міросозерцаніями, люди, способные нанести жестокія раны, но никакъ уже не подержать и направить другъ друга¹⁾.

Чтобы покончить съ вопросомъ о личныхъ отношеніяхъ Гоголя и Бѣлинскаго, намъ нужно еще разсмотрѣть, насколько былъ правъ послѣдній, выступивши противъ Гоголя въ своемъ письмѣ отъ 15 іюля 1847 года. Знаменитый критикъ, какъ сказано, посылалъ здѣсь тяжкія обвиненія по адресу Гоголя. Осуждая въ самой рѣзкой формѣ то міровоззрѣніе, выражителемъ котораго явилась „Переписка съ друзьями“, онъ въ то же время отказывался вѣрить въ искренность Гоголя и неоднократно въ своемъ письмѣ указывалъ ему на то, что эта, какъ онъ выражался, „гнусная“ книга затѣяна только для того, чтобы „небеснымъ путемъ достигнуть зем-

¹⁾ Шенрокъ, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. 4, с. 589. Проф. Кирпичниковъ въ статьѣ „Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій лѣтомъ 1847 г.“ (Сборникъ въ честь Н. И. Стороженка) приходитъ, между прочимъ, къ заключенію, что письмо Бѣлинскаго къ Гоголю отъ 15-го іюля 1847 года своимъ искреннимъ и убѣдительнымъ тономъ „заставило послѣдняго отрѣшиться отъ предвзятыхъ идей, стать на точку зрѣнія честнаго противника и признать окончательно, что міровоззрѣніе Бѣлинскаго имѣетъ такое-же право на существованіе, какъ и противоположное ему“ (Сборникъ въ честь Н. И. Стороженка с. 432). Однако внимательное разсмотрѣніе тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ проф. Кирпичниковъ приходитъ къ этому выводу, особенно при сопоставленіи ихъ съ нѣкоторыми другими свѣдѣніями о Гоголѣ, приводитъ скорѣе къ заключенію, что письмо Бѣлинскаго не произвело никакой значительной перемѣны въ убѣжденіяхъ Гоголя. Въ доказательство своей мысли проф. Кирпичниковъ ссылается на то обстоятельство, что Гоголь въ письмѣ къ Анненкову отъ 7-го сентября очень тепло говоритъ о Герценѣ, а это можно, по его мнѣнію, объяснить только вліяніемъ посланія Бѣлинскаго. Но проф. Кирпичниковъ упускаетъ изъ виду, хотя и цитируетъ въ примѣчаніяхъ къ своей статьѣ, слѣдующія слова Гоголя о Герценѣ: „Я слышалъ о немъ много хорошаго. *О немъ люди всѣхъ партій отзываются, какъ о благороднѣйшемъ человѣкѣ. Это лучшая репутація въ настоящее время*“ (курсивъ нашъ). Это упоминаніе о хорошихъ отзывахъ о Герценѣ „людей всѣхъ партій“ ясно показываетъ, чѣмъ объясняется теплый тонъ, съ какимъ говоритъ о немъ Гоголь. Еще менѣе правдоподобнымъ представляется утвержденіе

ныхъ цѣлей“, т. е. угодить сильнымъ міра и устроить такимъ способомъ свое благосостояніе. Такимъ образомъ, обвиненія Бѣлинскаго сводятся къ двумъ пунктамъ: 1) міровоззрѣніе, пропагандируемое въ „Перепискѣ“, заслуживаетъ всякаго осужденія, и 2) Гоголь неискрененъ въ своей книгѣ; онъ ради внѣшнихъ выгодъ отступился отъ своихъ прежнихъ убѣжденій.

Остановимся сначала на разсмотрѣніи упрека Гоголя въ неискренности.

Въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Бѣлинскій былъ глубоко неправъ, подозрѣвая въ Гоголѣ своего рода Тартюфа, надѣвавшего на себя маску смиренія. Онъ слишкомъ мало зналъ Гоголя, какъ человѣка, чтобы увидѣть въ „Перепискѣ“ только естественное, логическое развитіе тѣхъ настроеній, которыя сказывались въ немъ еще въ ранней молодости, съ годами крѣпили, нашли себѣ болѣе или менѣе полное выраженіе въ названномъ сочиненіи и, въ концѣ концовъ, привели славнаго юмориста къ трагическому концу. Бѣлинскій судилъ о Гоголѣ, главнымъ образомъ, на основаніи его „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“. Личное знакомство съ нимъ не помогло Бѣлинскому разгадать во всей полнотѣ сущность его духовнаго облика, ибо Гоголь, какъ извѣстно, рѣдко передъ кѣмъ даже изъ близкихъ друзей открывалъ святая-святыхъ своей души, а Бѣлинскій никогда не былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи для пониманія внутренняго міра Гоголя оказались не его современники, а послѣдующія поколѣнія. Матеріалъ для такого изученія духовнаго развитія Гоголя впервые представленъ былъ въ достаточномъ количествѣ въ шеститомномъ изданіи его

проф. Кирпичникова, будто Гоголь подъ вліяніемъ письма Бѣлинскаго сталъ обнаруживать несравненно болѣйшій интересъ къ западно-европейскимъ дѣламъ, чѣмъ это дѣлалъ до сихъ поръ. Начать съ того, что *особеннаго* интереса къ европейской общественной жизни онъ не проявилъ и послѣ полученія означеннаго письма, какъ не обнаруживалъ и ранѣе; если-же въ письмахъ его и находятся упоминанія объ этой жизни, то, какъ справедливо замѣчаетъ и самъ проф. Кирпичниковъ, эти упоминанія объясняются скорѣе всего вліяніемъ Хомякова. Нельзя затѣмъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ и въ томъ, будто послѣ извѣстнаго письма знаменитаго критика „Гоголь заинтересовался всѣмъ, что интересовало Бѣлинскаго, и твердо рѣшилъ, оставивъ публицистику, работать надъ созданіемъ живыхъ образовъ“. Утвержденіе это не имѣетъ подъ собою фактической почвы.

сочиненій, предпринятъ П. А. Кулишемъ въ 1857 году. Въ этомъ изданіи впервые появились въ печати письма Гоголя, занявшія собою два послѣдніе тома.

Въ предшествовавшемъ 1856 году тотъ же Кулишъ выпустилъ въ свѣтъ „Записки о жизни Гоголя“, въ которыхъ онъ на основаніи воспоминаній лицъ, близко знавшихъ покойнаго писателя, а также, главнымъ образомъ, пользуясь его частными письмами къ родной семьѣ и другимъ лицамъ, показалъ, что многое, оказавшееся для первыхъ читателей „Переписки съ друзьями“ чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ, давно уже зрѣло въ душѣ Гоголя. Пользуясь означенными изданіями Кулиша, Н. Г. Чернышевскій въ статьѣ о Гоголѣ въ „Современникѣ“ 1857 года впервые съ полной ясностью доказалъ тѣсную связь идей „Переписки“ съ настроеніями, которыя не оставляли автора ея съ первыхъ шаговъ его сознательной жизни. Появившіеся позднѣе обильные матеріалы о жизни, личности и творчествѣ Гоголя еще болѣе подтвердили точку зрѣнія Чернышевскаго.

Благодаря этому, теперь для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ личностью Гоголя, не представляется никакого сомнѣнія въ томъ, что у него, въ сущности, не было никакой измѣны убѣжденіямъ, что въ „Перепискѣ съ друзьями“ онъ съ полной искренностью высказалъ тѣ самыя мысли и чувства, которыя давно уже бродили въ его душѣ и находили себѣ ранѣе выраженіе въ письмахъ къ различнымъ лицамъ.

Но какимъ образомъ могло случиться, что авторъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, гордость и надежда передового борца Россіи—Бѣлинскаго, могъ въ то же время стать процовѣдникомъ тѣхъ идеаловъ, которые исповѣдовали люди противоположнаго Бѣлинскому лагеря? Могъ-ли онъ быть одинаково искреннимъ и въ своемъ поэтическомъ творчествѣ, которымъ онъ такъ много способствовалъ росту русскаго общественнаго самосознанія, и въ провозглашеніи идеаловъ аскетизма, смиренія и полного преклоненія передъ самыми темными устоями современной дѣйствительности? Эта психологическая загадка, кажущаяся съ перваго раза неразъяснимой, находитъ однако себѣ удовлетворительное объясненіе, если принять въ соображеніе нѣкоторыя данныя о жизни и личности Гоголя. Основные положенія своего міровоззрѣнія Гоголь выработалъ въ значительной степени подъ вліяніемъ круга, въ который онъ попалъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ и въ которомъ онъ сближался съ такими лицами, какъ Плетневъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, гр. Віельгорскій, Смирнова и др. Черезъ нѣкоторое время

у него завязались близкія отношенія съ Погодинымъ, Шевыревымъ и другими членами Московскаго славянофильскаго кружка. Эти люди, какъ выражается одинъ изслѣдователь, ¹⁾ стали для Гоголя высшей школой, довершившей его образованіе. Но, съ другой стороны, его великій прирожденный талантъ, страстное желаніе служить обществу, способность анализировать отрицательныя явленія жизни вносили разладъ въ его внутренній міръ. „Въ личной судьбѣ Гоголя,—говоритъ тотъ-же изслѣдователь,—отразилась борьба двухъ различныхъ сторонъ общественнаго развитія; какъ великій талантъ онъ принадлежалъ его прогрессивной сторонѣ, тогда какъ его теоретическія понятія не шли дальше обиходнаго консерватизма“ ²⁾. Такимъ образомъ, передъ нами раскрывается полная психологическая возможность соединенія въ одномъ лицѣ автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ съ авторомъ „Переписки“, при условіи глубокой искренности во время созданія этихъ столь различныхъ произведеній. Вотъ почему безусловно неправъ былъ Вѣлинскій, взваливая на Гоголя обвиненіе въ подлости за напечатаніе „Переписки съ друзьями.“

Но если совершенно невозможно согласиться съ Вѣлинскимъ, обвинявшимъ Гоголя въ желаніи поддѣлаться подъ взгляды консервативной партіи, чтобы такимъ путемъ достигнуть какихъ-либо внѣшнихъ житейскихъ выгодъ, то нельзя не признать въ значительной мѣрѣ справедливыми тѣхъ возраженій, которыя дѣлалъ Вѣлинскій противъ міровоззрѣнія, проповѣдуемаго „Перепиской съ друзьями“; говоримъ „въ значительной мѣрѣ“, ибо нѣкоторыя изъ замѣчаній Вѣлинскаго, при безпристрастномъ разсмотрѣніи книги Гоголя представляются нѣсколько преувеличенными: „отдавшійся весь негодованію и бѣшенству“, знаменитый критикъ, естественно, въ отдѣльных случаяхъ могъ впасть въ крайности, слишкомъ односторонне истолковать тѣ или иные мнѣнія Гоголя ³⁾.

Пресловутая „Переписка съ друзьями“ обязана, какъ извѣстно, своимъ появленіемъ въ свѣтъ самому искреннему, не покидавшему Гоголя во всю его жизнь стремленію принести Россіи возможно болѣе пользы. При всемъ убавкивающемъ въ общественномъ смыслѣ міровоззрѣніи, которое было воспринято имъ отъ его Петербургскихъ и Московскихъ друзей, Гоголь, благодаря, съ одной стороны, житейскому опыту, а съ другой—способности

¹⁾ Срав. Пыпинъ. Историческіе очерки, с. 360. Характеристику общаго міровоззрѣнія этого круга см. тамъ-же, с. 260—70 и слѣд.

²⁾ Ibid., с. 356.

³⁾ Напр., его обвиненіе Гоголя въ томъ, что онъ утверждалъ, будто простому народу грамота положительно вредна.

анализировать наблюдаемые явления, не могъ не понимать, что въ современной русской дѣйствительности очень и очень многое требуетъ значительной, быть можетъ, коренной поправки. Такъ, напримѣръ, въ письмахъ къ „Занимающему важное мѣсто“ и „Страхи и ужасы Россіи“ ¹⁾ онъ говоритъ о томъ, что „Россія точно несчастна,.... несчастна отъ грабительствъ и неправды, которыя до такой наглости еще не возносили рога свой,“ ²⁾ что тѣ злоупотребленія, о которыхъ ему приходилось слышать, настолько ужасны, что можетъ явиться мысль о томъ, „какъ-бы убѣжать изъ Россіи.“ ³⁾ Наконецъ, самая картина русской жизни въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ душахъ“ и нѣкоторыя лирическія отступленія въ послѣднемъ произведеніи съ полной ясностью доказываютъ, что Гоголь вовсе не относился безсознательно къ тѣмъ „ужасамъ,“ которые онъ рисовалъ. Чувствовалъ Гоголь и то, что въ его время русское общество начинало пробуждаться отъ своей духовной спячки, что въ немъ поднимались различныя, еще мало опредѣлившіяся по своимъ конечнымъ цѣлямъ настроенія, но, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, возникавшія вслѣдствіе неудовлетворенности господствовавшимъ направленіемъ жизни. ⁴⁾ Если принять въ соображеніе давнишнюю склонность Гоголя къ духовному учительству, которая съ годами усиленно развивалась въ немъ частной перепиской, то будетъ вполне понятно его страстное желаніе сказать „свое слово“ о томъ, какъ выйти Россіи изъ тѣхъ тяжелыхъ условій жизни, въ которыхъ она находилась въ сороковые годы.

Какого-же свойства было это слово?

Всѣ проекты общественныхъ реформаторовъ объ улучшеніи господствующаго строя жизни можно раздѣлить на двѣ группы, рѣзко отличающіяся по своей сущности другъ отъ друга. Одни изъ нихъ видятъ коренную причину зла въ обветшавшихъ формахъ общественной и государственной жизни и требуютъ большаго или меньшаго обновленія ихъ; другіе, будучи удовлетворены существующимъ политическимъ и социальнымъ строемъ, причиной темныхъ сторонъ современной дѣйствительности считаютъ отсутствіе у

¹⁾ Оба эти письма не были пропущены цензурой въ первомъ изданіи „Переписки.“

²⁾ Соч. Гоголя, ред. Тихонравова, изд. 15-е, т. 7, стр. 158.

³⁾ *Ib.*, стр. 139.

⁴⁾ *Ib.*, стр. 34 и др.

отдѣльных личностей надлежащихъ нравственныхъ устоевъ и переносятъ центръ тяжести въ борьбѣ за лучшее будущее не на совершенствованіе общественно-политическихъ формъ, а на нравственное возрожденіе отдѣльных лицъ.

Гоголь въ своей „Перепискѣ“ вполнѣ примыкаетъ ко второй группѣ. Онъ является самымъ горячимъ сторонникомъ современнаго ему общественно-государственного status quo Россіи. Ему въ голову не приходила мысль объ измѣненіи правительственныхъ учреждений, сословныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ, установившихся формъ личнаго и общественнаго безправія. Все то, что было создано правительственной властью, все это, съ точки зрѣнія Гоголя, не заставляло желать ничего лучшаго.¹⁾ Вся бѣда въ исполнителяхъ: законы святы, да исполнители лихіе супостаты! Можно предполагать, что такая точка зрѣнія Гоголя не была результатомъ глубоко-продуманнаго убѣжденія, а, скорѣе, являлась не подвергавшимся критикѣ отголоскомъ какъ давнихъ семейныхъ вліяній, такъ, главнымъ образомъ, воздѣйствіемъ кружка Жуковскаго, а также Погодина и Шевырева. По крайней мѣрѣ, когда онъ въ своей „Перепискѣ“ пытается обосновать то или другое мнѣніе касательно преимуществъ общественно-политическихъ формъ современной ему Россіи, аргументація его поражаетъ своей неопредѣленностью, а подчасъ и странной наивностью, заставляющей невольно подозрѣвать неясное пониманіе того, о чемъ идетъ рѣчь. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“ онъ, со словъ Пушкина, мнѣніе котораго не было имъ понято во всей глубинѣ, приводитъ слѣдующій странный аргументъ въ подтвержденіе необходимости для государства монархической власти: „государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ; много, много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что выѣденнаго яйца не стоитъ.“²⁾ Столь-же наивнымъ представляется его разсужденіе о русскомъ государственномъ строѣ въ письмѣ къ „занимающему важное мѣсто“. Оказывается, по его мнѣнію, что *всѣ* должности, сколько ихъ ни естъ въ русскомъ государствѣ, отвѣчаютъ на *всѣ* потребности нашего государственнаго быта, всѣ онѣ до единой какъ-бы свыше созданы для насъ.³⁾ Отсюда, конечно, естественно было

¹⁾ Срав. ib., стр. 150 и сл. (Письмо къ занимающему видное мѣсто).

²⁾ Ib., стр. 44.

³⁾ Срав. ib., стр. 150, 153 и др.

сдѣлать выводъ, что все несчастіе происходитъ только оттого, что всякій какъ-бы наперерывъ старался или разрушать предѣлы своей должности, или даже вовсе выступить изъ ея предѣловъ. Его разсужденія о русскомъ помѣщикѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ крѣпостномъ строѣ онъ наивно видѣлъ лучшій способъ для нравственнаго воздѣйствія интеллигенціи на народныя массы и вовсе не считалъ нужнымъ уничтоженія этого строя, и т. д.

Само собою разумѣется, что эти и подобныя мѣста въ „Перепискѣ“ не могли не вызвать цѣлой бури негодованія со стороны Бѣлинскаго. Не могъ онъ также отнестись равнодушно и къ проявленіямъ вѣры Гоголя въ великія силы Россіи, наивно утверждавшаго, что дѣтъ черезъ десять „Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупками пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которую не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ.“¹⁾

Приведенныхъ немногочисленныхъ выдержекъ изъ „Переписки съ друзьями“ достаточно для характеристики той стороны ея, которая вызвала наиболѣе ожесточенныя нападки Бѣлинскаго. Въ настоящее время едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, на чьей сторонѣ была правда. Стоитъ только оглянуться назадъ, на вторую половину пятидесятихъ годовъ XIX вѣка, чтобы увидѣть полную несостоятельность того строя русской общественной и государственной жизни, который, повидимому, вполне удовлетворялъ Гоголя. вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдя далѣе за прошлымъ Россіи, можно съ полной очевидностью увидѣть, что наиболѣе свѣтлыя страницы ея историческаго прошлаго, какъ напр. „эпоха великихъ реформъ“, созданы далеко не тѣмъ путемъ, въ которомъ Гоголь видѣлъ панацею отъ всѣхъ золъ современной жизни. Отсюда ясно, что съ точки зрѣнія историческаго момента въ знаменитомъ спорѣ былъ безусловно правъ Бѣлинскій, а не Гоголь.

Таково, по нашему крайнему разумѣнію, наиболѣе объективное рѣшеніе, съ исторической точки зрѣнія, занимающаго насъ вопроса. Но тяжелый разладъ между Бѣлинскимъ и Гоголемъ предстанетъ нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, если взглянуть на него внѣ историческихъ рамокъ, если видѣть въ ихъ полемикѣ только столкновеніе двухъ міровоззрѣній, внѣ условій мѣста и времени. Каждый изъ нихъ выдвигалъ свой способъ борьбы съ несовершенствами окружавшей ихъ жизни и каждый въ своемъ родѣ оказался одностороннимъ, отвергая противоположную точку зрѣнія. Если

¹⁾ Ibid., стр. 141.

справедливо, что жизненный прогрессъ возможенъ только при непрестанной эволюціи общественно-государственныхъ формъ, то не менѣе справедливо и то, что для успѣха этой эволюціи требуется соотвѣтствующій ростъ внутренняго развитія и самоусовершенствованія отдѣльной личности, а это послѣднее далеко не всегда оказывается въ зависимости отъ вѣншихъ формъ жизни. Такимъ образомъ, истинное рѣшеніе вопроса о лучшемъ способѣ борьбы съ несовершенствами окружающей дѣйствительности лежитъ въ синтезѣ точекъ зрѣнія на этотъ вопросъ Бѣлинскаго и Гоголя. Взглядъ Бѣлинскаго не былъ чѣмъ-либо новымъ для русской жизни: въ исторіи нашихъ общественныхъ движеній до сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка можно указать нѣсколько случаевъ, когда онъ обнаружился съ полной очевидностью. Что же касается до теоріи личнаго самоусовершенствованія, какъ средства борьбы съ отрицательными сторонами современной дѣйствительности, то она впервые была выдвинута у насъ Гоголемъ въ его пресловутой „Перепискѣ“. Ни Бѣлинскій, ни кто другой на его мѣстѣ не могъ, конечно, отнестись вполне объективно къ указанному принципу книги Гоголя, но это не ослабляетъ сдѣланнаго выше утвержденія, что великій критикъ, съ объективной точки зрѣнія, былъ нѣсколько одностороненъ въ своемъ письмѣ, не обративъ вниманія на важность въ дѣлѣ жизненнаго прогресса выдвигаемой Гоголемъ идеи личнаго самоусовершенствованія.

ГЛАВА II.

Гоголь въ истолкованіи Бѣлинскаго.

Критическая дѣятельность Бѣлинскаго, продолжавшаяся съ 1834 по 1848-й г., совпала съ появленіемъ въ свѣтъ почти всѣхъ произведеній Гоголя (только „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ вышли изъ печати нѣсколько ранѣе—въ 1831—32 г.г.). Судьба точно умышленно сопоставила великаго писателя-реалиста и не менѣе замѣчательнаго критика, какъ бы этимъ сопоставленіемъ желая тѣснѣйшимъ образомъ связать ихъ литературную дѣятельность. И дѣйствительно, не много можно указать въ исторіи литературы подобныхъ соотношеній поэта-художника и литературнаго критика. Гоголь своимъ необыкновеннымъ талантомъ, самъ не сознавая того, создавалъ новое направленіе въ русской литературѣ. Бѣлинскій, сразу постигшій, какое громадное значеніе имѣетъ творчество Гоголя для развитія отечественной литературы, все время своей критической дѣятельности былъ

самымъ страстнымъ защитникомъ и истолкователемъ такъ называемой тогда натуральной школы, создателемъ которой можетъ по справедливости считаться у насъ Гоголь. Борьба за Гоголя и созданное имъ литературное направление, стремление уяснить русскому читателю высокое эстетическое и общественное значеніе творчества великаго русскаго юмориста красной нитью проходитъ черезъ всю дѣятельность Бѣлинскаго. Можно даже сказать, что эта борьба является едва-ли не главнѣйшей литературной задачей создателя русской критики. Въ теченіе 13 лѣтъ Бѣлинскій написалъ около 10 статей о Гоголѣ, если не считать порою довольно длинныхъ отступленій, посвященныхъ этому писателю и натуральной школѣ, при разборѣ произведеній другихъ авторовъ. Въ общемъ, все написанное Бѣлинскимъ о Гоголѣ и натуральной школѣ (что почти одно и то же) составляетъ около 200 страницъ обычнаго журнальнаго формата. Чтобы понять все значеніе Бѣлинскаго, какъ истолкователя Гоголя, необходимо рассмотреть, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія его статьи, посвященные разбору произведеній Гоголя и полемикѣ на этой почвѣ съ другими критиками.

Когда вышли изъ печати „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, Бѣлинскій былъ еще студентомъ Московскаго университета и не пробовалъ своихъ силъ въ качествѣ литературнаго критика. Естественно поэтому, что „Вечера“ при своемъ появленіи не вызвали статьи Бѣлинскаго. Однако первыя повѣсти Гоголя не прошли безслѣдно для его будущаго критика. Какъ уже указывалось раньше, у Бѣлинскаго и его друзей созданъ своего рода культъ Гоголя,—до такой степени они были очарованы его первыми произведеніями.

Съ 1834 года Бѣлинскій сдѣлался журнальнымъ работникомъ по отдѣлу литературной критики. Совершенно понятно, что онъ не долженъ былъ упустить случая высказаться о своемъ любимомъ писателѣ, едва только представится къ этому поводъ. Такой поводъ вскорѣ не замедлилъ отыскаться: въ 1835 году появились въ печати повѣсти, извѣстныя подъ названіемъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“. Бѣлинскій написалъ о нихъ и давно уже извѣстныхъ читателямъ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“ большую статью, помѣщенную въ Московскомъ журналѣ „Телескопъ“ за 1835 годъ.

Въ этой статьѣ Бѣлинскій ставитъ двѣ задачи критическаго разбора литературныхъ произведеній: первой и главной задачей критика, по его

мнѣнію, должно служить рѣшеніе вопроса о томъ, насколько данное произведеніе изящно, и дѣйствительно-ли авторъ его имѣетъ право называться поэтомъ; второй вопросъ, который предстоить рѣшить критикѣ,—это—какое мѣсто занимаетъ разсматриваемый писатель въ литературѣ. Согласно намѣченной цѣли, онъ сначала останавливается на выясненіи чисто художественныхъ достоинствъ повѣстей Гоголя. Для этого онъ предварительно излагаетъ свою эстетическую теорію, съ точки зрѣнія которой и разсматриваетъ произведенія Гоголя. Это первая въ русской критикѣ *теорія реального искусства*. Она была какъ нельзя болѣе умѣстна именно въ это время, ибо служила твердымъ теоретическимъ основаніемъ для оцѣнки новаго литературнаго направленія, создаваемого Гоголемъ. Какъ справедливо замѣтилъ въ этой же статьѣ Бѣлинскій, понятія объ изящномъ были еще очень зыбки у насъ въ то время не только въ обществѣ, но и среди цѣнителей художественныхъ произведеній. Эта теорія, впервые здѣсь высказанная въ своихъ основныхъ чертахъ Бѣлинскимъ, служила и потомъ для него исходной точкой при оцѣнкѣ позднѣйшихъ произведеній Гоголя. Какъ ни измѣнилось общее міровоззрѣніе Бѣлинскаго въ началѣ сороковыхъ годовъ, эстетическія его понятія оставались въ значительной мѣрѣ тѣ же, что и въ половинѣ тридцатыхъ годовъ. Тѣмъ любопытнѣе познакомиться съ сущностью этихъ воззрѣній. Они очень несложны и самымъ же Бѣлинскимъ формулированы въ сжатой и удобопонятной формѣ, такъ что безъ особаго труда можно свѣдѣть сводъ основныхъ положеній его эстетическаго масштаба.

Дѣйствительность выше искусства—таково первое положеніе этой эстетики ¹⁾. Поэтому задача поэта состоитъ не въ томъ, чтобы украшать ее, а въ томъ, „чтобы воспроизводить... въ совершенной истинѣ и вѣрности“. Такъ создается настоящая поэзія нашего времени — „поэзія жизни, дѣйствительности“... „Ея отличительный характеръ состоитъ въ вѣрности дѣйствительности; она не пересоздаетъ жизнь, но воспроизводитъ, возсоздаетъ ее и, какъ выпуклое стекло, отражаетъ въ себѣ, подъ одной точкой зрѣнія, разнообразныя ея явленія, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя нужны для составленія полной, оживленной и единой картины“. Нѣсколько

¹⁾ Срав. у Бѣлинскаго: „Божье твореніе выше всякаго человѣческаго... оно есть самая дивная поэма, какую только можно вообразить“.

ниже онъ еще опредѣленнѣе высказывается за полный реализмъ въ поэзіи, за тѣсное сочетаніе искусства съ жизнью. Жизнь, по мнѣнію Бѣлинскаго, должна выступать въ поэзіи „во всей наготѣ, во всемъ ея ужасающемъ безобразіи и во всей ея торжественной красотѣ“, ибо въ ней требуется не идеаль жизни, но сама жизнь, какъ она есть. Ее не за чѣмъ украшать, ибо „въ поэтическомъ представленіи она равно прекрасна... и потому именно, что истинна“, а „гдѣ истина, тамъ и поэзія“¹⁾.

Таковы основныя положенія эстетическихъ воззрѣній Бѣлинскаго, опираясь на которыя онъ разбираетъ произведенія Гоголя. Правда, выясняя отличительныя черты реальной поэзіи, онъ говоритъ ниже о такъ называемой идеальной, которая характеризуется присутствіемъ чисто личнаго чувства и настроенія автора, и поэзіи такого рода, которая объединяетъ въ себѣ идеальную и реальную, какъ напр. поэмы Байрона, Пушкина и нѣкоторыя драмы Шиллера, но онъ находитъ, что идеальная поэзія наиболѣе свойственна его времени. Чрезвычайно любопытнымъ представляется то обстоятельство, что изложенная только что теорія реального искусства далеко не гармонировала съ высказываемыми передъ этимъ эстетическими воззрѣніями Бѣлинскаго, сложившимися отчасти подъ вліяніемъ философіи Фихте и Шеллинга. Спрашивается, откуда эти новыя эстетическія вѣянія, столь мало согласныя съ усвоеннымъ ранѣе ученіемъ о прекрасномъ въ искусствѣ? Исслѣдователи развитія мысли Бѣлинскаго очень правдоподобно объясняютъ эту кажущуюся странной перемену не чѣмъ инымъ, какъ до извѣстной степени вліяніемъ произведеній Гоголя.²⁾ Природное могучее художественное чутье сразу угадало въ авторѣ „Вечеровъ на хуторѣ“ необыкновенное литературное дарованіе и, быть можетъ, безсознательно для самого критика, способствовало выработкѣ эстетическихъ понятій на основаніи произведеній молодого писателя. Такимъ образомъ, будетъ, кажется, вполне вѣроятнымъ предположить, что Гоголю отчасти обязанъ Бѣлинскій тѣми своими эстетическими взглядами, которые впоследствии послужили для него точкой опоры въ оцѣнкѣ творчества этого писателя.

Эта оцѣнка въ разсматриваемой статьѣ сводится къ слѣдующему. Гоголь, несомнѣнно, поэтъ жизни дѣйствительной. Сказывается это въ общемъ оригинальномъ характерѣ его повѣстей, отличающихся „простотою

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, изд. 2-е. М. 1861 г., т. I, с. 100—1.

²⁾ Срав. Ивановъ, Исторія русской критики, т. 4, с. 109—110.

вымысла, совершенной истинной жизни, народностью¹⁾. На каждомъ изъ этихъ свойствъ разбираемыхъ повѣстей БѢлинскій останавливается затѣмъ болѣе подробно, ссылаясь на отдѣльные мѣста „Вечеровъ на хуторѣ“, „Миргорода“ и „Арабесокъ“. Кромѣ того, онъ подробно говоритъ о вполне оригинальномъ характерѣ творчества Гоголя. Оригинальность эту онъ видитъ „въ комическомъ воодушевленіи, всегда побѣждаемомъ чувствомъ грусти“²⁾, т. е. въ юморѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣчаетъ несомнѣнный ростъ таланта Гоголя, сказавшись въ „Арабескахъ“ и „Миргородѣ“ сравнительно съ „Вечерами на хуторѣ“: „въ нихъ меньше упоенія, лирическаго разгула, но больше глубины и вѣрности въ изображеніи жизни“³⁾. Эта мысль опять таки доказывается анализомъ отдѣльных произведеній изъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“. Общія заключенія о мѣстѣ, занимаемомъ Гоголемъ въ ряду другихъ русскихъ писателей, очень рѣшительны: „онъ является главой литературы, главой поэтовъ, онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ“⁴⁾.

Такова въ сжатомъ изложеніи сущность первой статьи БѢлинскаго о Гоголѣ. Передавая ея содержаніе, мы обошли молчаніемъ ту часть ея, гдѣ авторъ дѣлаетъ довольно полный обзоръ развитія русской повѣсти отъ Карамзина до Гоголя съ цѣлью показать, что до появленія въ свѣтъ произведеній разбираемаго писателя у насъ еще не было художественной повѣсти. Этотъ обзоръ, самъ по себѣ очень любопытный, не имѣетъ однако важнаго значенія при опредѣленіи интересующей насъ стороны статьи БѢлинскаго.

Изъ сказаннаго только что о ней не трудно видѣть, что знаменитый критикъ первоначально видѣлъ въ Гоголѣ только необыкновеннаго художника слова и цѣнилъ его повѣсти только какъ образцовыя въ этомъ отношеніи произведенія. Общественнаго значенія „Арабесокъ“ и „Миргорода“ онъ въ это время еще и не подозрѣвалъ.

Такая односторонняя точка зрѣнія на повѣсти Гоголя у будущаго знаменитаго русскаго критика вполне понятна: въ это время подъ влияніемъ нѣмецкихъ эстетическихъ теорій и лекцій Надеждина онъ смотрѣлъ на изящную словесность исключительно съ точки зрѣнія ея художествен-

¹⁾ Срав. Соч. БѢлинскаго, изд. 2-е. М. 1861 г., т. 1, стр. 211.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., стр. 235.

⁴⁾ Ibid., стр. 242.

ности и задачей русской критики считалъ „распространеніе въ своемъ отечествѣ извѣстныхъ основныхъ понятій объ изящномъ“¹⁾.

Но если несомнѣнно, что Бѣлинскій слишкомъ односторонне взглянулъ на повѣсти Гоголя въ первой своей статьѣ, посвященной анализу его произведеній, то, съ другой стороны, нельзя не признать, что все же его разборъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“ имѣетъ немаловажное значеніе въ дѣлѣ правильного пониманія современными читателями созданій Гоголя. Дѣло въ томъ, что художественный реализмъ былъ тогда еще очень мало знакомъ русскому обществу; не былъ онъ понятенъ и современной критикѣ. Русская повѣсть до Гоголя имѣла только такихъ представителей, какъ Марлинскій, Одоевскій, Погодинъ, Полевой, Павловъ,—авторы, произведенія которыхъ только въ очень незначительной степени примыкали по своему характеру къ художественному реализму. Только немногія отдѣльныя частности представлялись въ нихъ художественно-реальными, но эти частности не могли пробудить и развить въ читателяхъ литературнаго вкуса и истиннаго пониманія художественныхъ произведеній слова²⁾. Что касается до Пушкина, то онъ изъ своихъ повѣстей до этого времени напечаталъ только „Повѣсти Бѣлкина“ (въ 1831 году) и „Пиковую даму“ (въ 1834 году), но онѣ, быть можетъ потому, что были пока единственными въ этомъ родѣ, не произвели особеннаго впечатлѣнія ни на читателей, ни на критику и не оказали первое время замѣтнаго вліянія въ литературѣ.

Наиболѣе выдающіеся критики того времени были въ большинствѣ случаевъ очень далеки отъ того, чтобы оцѣнить должнымъ образомъ новые приемы творчества, проявившіеся ярко впервые въ русской литературѣ въ повѣстяхъ Гоголя. Этихъ приемовъ никоимъ образомъ не могъ понять, напр., Н. Полевой, одинъ изъ болѣе серьезныхъ и образованныхъ литературныхъ критиковъ того времени, редакторъ „Московского Телеграфа“. Эстетическая доктрина Полевого была основана на анализѣ произведеній романтической поэзіи французской школы съ Викторомъ Гюго во главѣ. Конечно, для критика, въ глазахъ котораго идеаломъ искусства является „Notre Dame de Paris“ В. Гюго и тому подобныя произведенія съ различ-

¹⁾ Ibid., стр. 212.

²⁾ Объ этихъ повѣстяхъ см. въ разбираемой статьѣ Бѣлинскаго, а также въ „Очеркахъ гоголевскаго періода рус.литер.“ Чернышевскаго, с. 13—15. Спб. 1892 г.

ными необычайными хитросплетеніями въ сюжетѣ, небывалыми характерами и положеніями, не могли быть понятны созданія художественно-реального искусства. Еще менѣе могъ разъяснить читателямъ сущность творчества молодого писателя такой критикъ, какъ Сеньковский (Баронъ Брамбеусъ), все критическое искусство котораго состояло въ томъ, чтобы, не говоря о внутренней сущности разбираемаго сочиненія, ограничиваться безусловной похвалой или порицаніемъ и дешевымъ остроуміемъ, болѣе умѣстнымъ въ устахъ уличнаго гасера, чѣмъ литературнаго критика, потѣшать невзыскательныхъ читателей. Нечего говорить о томъ, что Шевыревъ, въ критической дѣятельности котораго нѣтъ возможности условить какое-либо единое теоретическое основаніе, который поражаетъ читателя его статей удивительными несообразностями, менѣе всего могъ быть здравымъ цѣнителемъ и истолкователемъ новаго литературнаго направленія. Единственный, кто изъ предшественниковъ Вѣлинскаго содѣйствовалъ водворенію въ русской критикѣ здравыхъ эстетическихъ понятій и какъ бы пролагалъ дорогу новой литературной школѣ, былъ редакторъ „Телескопа“ Надеждинъ. Но онъ, какъ это справедливо замѣтилъ еще Чернышевскій въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“, появился слишкомъ рано и потому не могъ имѣть сколько-нибудь значительнаго вліянія на критику и публику.

Такимъ образомъ, первые шаги на литературномъ поприщѣ Гоголя были совершенной новостью по своему характеру не только для зауряднаго читателя, но и для литературной критики, совсѣмъ еще не выработавшей опредѣленной точки зрѣнія на реально-художественное творчество. Съ этой стороны первая критическая статья Вѣлинскаго о Гоголѣ была необходима для того, чтобы русскіе читатели могли сознательно отнестись къ творчеству этого писателя, насколько оно успѣло обнаружиться до этого времени. Достоинъ вниманія, что въ этой статьѣ Вѣлинскій, съ одной стороны, прямо и опредѣленно изложилъ ту эстетическую теорію, которая на долгое время послужила точкой опоры для оцѣнки реальныхъ произведеній искусства, а съ другой—на основаніи немногихъ данныхъ не усумнился назвать Гоголя главой новой литературной школы.

Разборъ Вѣлинскимъ повѣстей Гоголя былъ какъ нельзя болѣе кстати въ дѣлѣ правильнаго пониманія творчества этого писателя еще и потому, что съ выходомъ въ свѣтъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“ немногочисленные нападки на Гоголя, впервые раздавшіяся съ появленіемъ въ пе-

чати „Вечеровъ на хуторѣ“, теперь въ значительной степени усилились. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ по поводу „Арабесокъ“ появилась статья Сеньковского, переполненная злобной ироніей по адресу автора съ рѣзкими нападеніями на него за „уродливость сужденій и слога“, за „тяжкіе грѣхи противъ вкуса, логики и простыхъ, обыкновенныхъ познаній въ наукахъ и художествахъ“; за „напыщенность фразъ, внутреннюю пустоту мысли, дисгармонію языка“. ¹⁾ Въ этой статьѣ, послужившей какъ-бы увертюрой къ дальнѣйшему семнадцатилѣтнему глумленію надъ Гоголемъ, утверждалось, между прочимъ, что этотъ писатель надѣленъ талантомъ писать карриатуры и „по роду своего дарованія могъ бы смѣшить (читателя) и писать хорошія сказки“. ²⁾ О „Повѣстѣ о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ“ критикъ былъ того мнѣнія, что она очень грязна, а въ „Віи“ не видѣлъ „ни конца, ни начала, ни идеи, ничего, кромѣ нѣсколькихъ страшныхъ, невѣроятныхъ сценъ“. ³⁾ Статья объ „Арабескахъ“ въ „Сѣверной пчелѣ“ повторила общія заключенія „Библіотеки для Чтенія“ о талантѣ Гоголя, а при разборѣ „Миргорода“ тотъ же журналъ недоумѣвалъ, зачѣмъ въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ „показывать намъ эти рубища, эти лохмотья... зачѣмъ рисовать заднюю картину двора жизни и человѣчества“. ⁴⁾ Даже Шевыревъ, котораго Гоголь просилъ дать отзывъ о его книгахъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, сдѣлавшій довольно много вѣрныхъ замѣчаній о нихъ, въ концѣ концовъ, все же не понялъ повѣстей, высказавъ мнѣніе, что лица, изображенныя Гоголемъ, едва ли существуютъ въ дѣйствительности, и что автору слѣдуетъ оставить изображеніе провинціи, а искать сюжетовъ для своего творчества „въ кругу такъ называемомъ образованномъ, въ нашей гостиной, среди модныхъ фраковъ и галстуховъ, подъ модными головными уборами“. ⁵⁾ Такъ что разборъ повѣстей Гоголя, написанный Бѣлинскимъ въ 1835-мъ году, былъ единственной статьёй о творчествѣ этого писателя, которая если и не выясняла всего значенія новыхъ произведеній, совершенно обойдя молчаніемъ ихъ общественный смыслъ, то все же вполне правильно оцѣнила

¹⁾ Справ. Зелинскій, Рус. крит. литерат. о произвед. Гоголя, I, с. 20.

²⁾ *Ib.*, с. 24.

³⁾ *Ib.*, с. 25.

⁴⁾ *Ib.*, с. 30.

⁵⁾ *Ib.*, с. 37.

ихъ съ художественной точки зрѣнія, что для того времени, если принять въ соображеніе указанное выше отношеніе къ Гоголю современныхъ критиковъ, было немаловажной задачей.

Въ 1836-мъ году былъ поставленъ на сценѣ и появился въ печати „Ревизоръ“ Гоголя. Извѣстно, какія шумныя похвалы и еще болѣе рѣзкія и крикливыя порицанія вызвала эта комедія и въ обществѣ и въ печати. Естественнo было ожидать, что Бѣлинскій, вполне утвердившійся въ это время въ качествѣ литературнаго критика въ Московскомъ „Телескопѣ“, попрежнему восхищавшійся Гоголемъ, напишетъ о новой пьесѣ обширную статью. Въдѣ, достоинства и успѣхъ „Ревизора“ не могли не вызвать у Бѣлинскаго чувства глубокой радости, уже по тому одному, что этимъ блестяще доказывалось высказанное имъ первымъ мнѣніе о томъ, что Гоголь является лучшимъ русскимъ писателемъ своего времени. Тѣмъ не менѣе, Бѣлинскій въ годъ выхода „Ревизора“ не обмолвился о немъ ни одной строчкой. Мы, къ сожалѣнію, имѣемъ очень скудныя данныя, касающіяся этого періода жизни знаменитаго критика, чтобы можно было на основаніи ихъ сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія о причинахъ этого страннаго явленія. Быть можетъ, новые матеріалы о Бѣлинскомъ будутъ способствовать рѣшенію этого вопроса, но въ настоящее время на него приходится отвѣчать незнаніемъ.

Только болѣе, чѣмъ черезъ три года послѣ выхода въ свѣтъ „Ревизора“, мы находимъ у Бѣлинскаго разборъ этой комедіи. Разборъ этотъ не представляетъ однако самостоятельной статьи, а вставленъ въ большую работу о „Горѣ отъ ума“ Грибоѣдова ¹⁾, появившемся въ печати вторымъ изданіемъ въ 1839 году. Цѣль статьи — доказать, что бессмертная комедія Грибоѣдова не можетъ быть признана художественнымъ созданіемъ. Для этого онъ излагаетъ свои принципы оцѣнки драматическаго произведенія (основанные на философіи Гегеля) и затѣмъ разбираетъ довольно подробно комедію Гоголя въ эстетическомъ отношеніи. Этотъ разборъ „Ревизора“ съ чисто художественной точки зрѣнія до настоящаго времени является одной изъ лучшихъ оцѣнокъ комедіи Гоголя въ этомъ отношеніи. Но и въ этомъ разборѣ, какъ и раньше, въ статьѣ о повѣстяхъ Гоголя,

¹⁾ Статья эта была напечатана въ первой книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1840 г.

Бѣлинскій касается только художественныхъ достоинствъ знаменитой комедіи и ни слова не говоритъ о ея общественномъ значеніи.

Но уже слѣдующая статья Бѣлинскаго о Гоголѣ, написанная послѣ выхода въ свѣтъ въ 1842 году „Мертвыхъ душъ“, равно какъ рядъ другихъ статей о немъ носятъ совершенно другой характеръ. Чувствуется, будто Бѣлинскій прозрѣлъ, сталъ видѣть въ разсматриваемыхъ произведеніяхъ не только ихъ художественное, но и общественное значеніе, которое въ его глазахъ едва-ли не болѣе цѣнно, чѣмъ и чисто эстетическое. Эта новая струя въ критической дѣятельности Бѣлинскаго играетъ, несомнѣнно, важную роль въ дѣлѣ истолкованія для русскаго читателя общаго значенія произведеній Гоголя, ибо именно теперь, съ начала сороковыхъ годовъ, мнѣнія Бѣлинскаго получаютъ большое распространеніе и оказываютъ сильное вліяніе на русское интеллигентное общество. Поворотъ въ общихъ убѣжденіяхъ Бѣлинскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ его взглядахъ на произведенія художественнаго творчества достаточно полно выясненъ изслѣдователями его жизни и дѣятельности. Онъ совпадаетъ съ перѣздомъ его въ Петербургъ, въ концѣ 30-хъ годовъ, но былъ подготовленъ еще въ Москвѣ горячими спорами съ Герценомъ. Поворотъ этотъ или, вѣрнѣе, переворотъ состоялъ въ томъ, что Бѣлинскій отвергъ такъ горячо исповѣдуемое имъ, особенно съ 1837-го года, преклоненіе передъ современной дѣйствительностью и сталъ самымъ горячимъ борцомъ противъ основныхъ устоевъ ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ измѣнилъ и свои взгляды на поэзію. Набросавъ въ письмѣ къ Боткину въ концѣ 1841-го года тяжелую картину жизни (столичной бѣдности, то онъ замѣчаетъ: „и послѣ этого имѣетъ ли право человекъ забавляться въ искусствѣ?“¹⁾).

Эти слова показываютъ, что прежній взглядъ на искусство, какъ на нѣчто существующее само для себя и не омрачаемое „пѣснями земли“, теперь уже оставленъ, ибо безнравственно погружаться въ область красоты, отрѣшаться отъ жизни, когда кругомъ царствуетъ непроглядный мракъ и страданіе. Вмѣсто этого у Бѣлинскаго постепенно вырабатывается взглядъ на искусство, какъ на могучее средство воздѣйствія на жизнь, какъ на орудіе борьбы за счастье и свободу человѣчества. Вслѣдствіе этого и при разборѣ литературныхъ произведеній онъ слѣдитъ не только за чисто художественными ихъ достоинствами и недостатками,

¹⁾ Пыпинъ, Бѣлинскій, 2, с. 126.

но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаетъ вопросъ и объ ихъ общественномъ значеніи. Съ этими новыми взглядами на искусство Вѣлинскій оставался до конца своихъ дней и только съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе цѣнилъ соціальный смыслъ поэтическихъ произведеній.

Подъ вліяніемъ ихъ измѣнилась, вѣрнѣе, значительно расширилась и дополнилась его точка зрѣнія на Гоголя. Вѣлинскій понималъ, какую огромную роль въ дѣлѣ пробужденія общественнаго самосознанія могутъ сыграть такіе произведенія, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“, а также и создаваемое Гоголемъ литературное направленіе. Вотъ почему онъ съ гораздо большей энергіей, чѣмъ прежде, отстаиваетъ своего любимаго писателя отъ нападокъ враждебно относящейся къ нему критики, а порою и отъ услужливыхъ друзей, и разъясняетъ читателямъ значеніе его дѣятельности. Въ этой защитѣ Гоголя Вѣлинскій выступаетъ передъ нами не только какъ выдающійся художественный критикъ, но и какъ честный гражданинъ своей родины, всей душой стремящійся содѣйствовать ея прогрессивному развитію.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о новой особенности въ анализѣ Вѣлинскимъ произведеній Гоголя, перейдемъ къ общему обзору и оцѣнкѣ его статей о „Мертвыхъ душахъ“.

Поэма Гоголя вызвала цѣлый рядъ статей Вѣлинскаго. Однако ни въ одной изъ нихъ нѣтъ сколько-нибудь полнаго разбора этого произведенія. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что появленіе „Мертвыхъ душъ“ было фактомъ настолько большой важности, такъ много пробуждало оно мыслей, имѣющихъ отношеніе къ общимъ вопросамъ литературы и ея развитія, что критикъ невольно отдавался не столько анализу этого произведенія, сколько стремился высказать тѣ идеи, которыя были вызваны самымъ фактомъ его появленія, равно какъ и отстоять его отъ всяческихъ ложныхъ толкованій. Когда вчитываешься теперь въ эти статьи Вѣлинскаго, которыя, пожалуй, могутъ разочаровать читателя, стремящагося найти въ нихъ болѣе или менѣе полный разборъ знаменитой поэмы, и принимаешь при этомъ въ соображеніе тогдашнее состояніе русской литературы, съ полной очевидностью убѣждаешься въ необходимости для прогрессивнаго роста и развитія новаго литературнаго направленія именно такого рода критики, какую далъ Вѣлинскій.

Первая его статья о „Мертвыхъ душахъ“ была вызвана появленіемъ въ свѣтъ этой поэмы въ 1842 году. Статья эта сравнительно небольшая,

около одного печатного листа, при чемъ о „Мертвыхъ душахъ“ говорится только на послѣднихъ 7—8 страницахъ, первая-же половина ея написана по поводу появленія въ свѣтъ знаменитаго творенія Гоголя.

Какою непритворною, гордою радостью проникнуты эти страницы! „Мертвыя души“, величайшее созданіе Гоголя, блестяще подтвердило ту мысль, которую Бѣлинскій смѣло высказалъ еще въ 1835 году, мысль о томъ, что Гоголь является главою русской литературы. Не мало ядовитыхъ замѣчаній посылаетъ Бѣлинскій въ началѣ своей статьи по адресу „уклончивыхъ“ критиковъ, которые въ началѣ смѣшивали съ грязью народившееся литературное свѣтило, а потомъ „сдѣлались жалкими его поклонниками“. „Но...—говоритъ Бѣлинскій,—все знаютъ, кто первый оцѣнилъ на Руси Гоголя“¹⁾. Переходя далѣе къ разбору новой поэмы, критикъ называетъ ее „твореніемъ чисто русскимъ, національнымъ, выхваченнымъ изъ тайника народной жизни..., безпощадно сдергивающимъ покровъ съ дѣйствительности и дышащимъ страстной, нервистой, кровной любовью къ плодотворному зерну русской жизни“²⁾. Отмѣтивъ затѣмъ высокую художественность новаго творенія, онъ ставитъ Гоголю въ величайшую заслугу „всеобъемлющую и гуманную субъективность...“, ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому“, и которая, по мнѣнію критика, впервые проявилась въ „Мертвыхъ душахъ“³⁾. Тотъ, кто внимательно читалъ Гоголя, знаетъ, что эта субъективность вовсе не является особенностью исключительно „Мертвыхъ душъ“: она ясно сказывается въ его твореніяхъ, написанныхъ значительно раньше, какъ „Миргородъ“ и повѣсти изъ Петербургской жизни. Но, придерживаясь въ своей критикѣ исключительно узко-художественной точки зрѣнія, Бѣлинскій раньше не замѣчалъ этой особенности творчества Гоголя. Только теперь, когда онъ увидѣлъ въ искусствѣ одно изъ мощныхъ средствъ борьбы съ темными сторонами жизни, онъ сталъ цѣнить въ литературныхъ произведеніяхъ не только ихъ художественныя достоинства, но и то, въ какой степени они могутъ вліять на отношенія читателя къ современной дѣйствительности. Вотъ почему онъ такъ отгѣняетъ въ новомъ произведеніи Гоголя субъективный элементъ, который не позволить чут-

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова и Шепкина, М. 1860 г. т. 6, стр. 404.

²⁾ Срав. Ibid., стр. 407.

³⁾ Ibid.

кому читателю отнести равнодушно къ изображаемой картинѣ жизни, а заставить его оцѣнить ее по достоинству. Въ этомъ впервые въ статьяхъ о Гоголѣ сказанъ новый поворотъ въ міровоззрѣніи БѢлинскаго. Мы будемъ имѣть случай отмѣтить ниже, какъ сказанъ этотъ поворотъ на дальнѣйшихъ статьяхъ о нашемъ авторѣ.

Слѣдующая въ хронологическомъ порядкѣ статья по поводу „Мертвыхъ душъ“ была написана БѢлинскимъ по случаю выхода отдѣльной брошюры работы К. Аксакова: „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: „Похожденія Чичикова, или мертвыя души“, которую Аксаковъ выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ, когда Шевыревъ, видѣвшій ея слабыя стороны, отклонилъ печатаніе ея въ „Москвитянина“. Разборъ статьи Аксакова, не касаясь непосредственно „Мертвыхъ душъ“, любопытенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ БѢлинскій, при всемъ восторгѣ и преклоненіи передъ дѣятельностью Гоголя, не считалъ его однако міровымъ поэтомъ.

К. Аксаковъ сравнивалъ Гоголя съ Гомеромъ, ставилъ его въ ряду первоклассныхъ міровыхъ поэтовъ, утверждая, что только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ величайшей тайной искусства. БѢлинскій, возражая Аксакову, доказываетъ, что у Гоголя и въ поминѣ нѣтъ „всемирно-историческаго духа, общаго для всѣхъ народовъ и вѣковъ содержанія“ ¹⁾, что Гоголь „великій русскій поэтъ—не болѣе, „Мертвыя души“ его—тоже только для Россіи и въ Россіи могутъ имѣть безконечно великое значеніе“. Тѣмъ не менѣе,—говоритъ БѢлинскій,—значеніе Гоголя для Россіи болѣе значительно, чѣмъ Пушкина, хотя у послѣдняго есть не мало произведеній, достойныхъ названія міровыхъ. Это потому, что „Гоголь—поэтъ социальный...“ и „это самое и составляетъ его важность, его глубокое... и колоссальное значеніе для насъ—русскихъ“ ²⁾. И здѣсь БѢлинскій опять, какъ и въ первой статьѣ, отмѣчаетъ великое общественное значеніе дѣятельности любимаго писателя, но дѣлаетъ это гораздо болѣе опредѣленно: изъ приведенныхъ словъ его видно, что социальное значеніе поэмы Гоголя въ его глазахъ играетъ большую роль, чѣмъ чисто художественное.

Статья БѢлинскаго о брошюрѣ К. Аксакова вызвала отвѣтъ со стороны послѣдняго на страницахъ „Москвитянина“. БѢлинскій, въ свою очередь, отвѣчаетъ ему въ „Объясненія на объясненія по поводу поэмы

¹⁾ Ibid., стр. 441.

²⁾ Ibid., стр. 442.

Гоголя „Мертвые души“. Въ этомъ отвѣтѣ Бѣлинскаго для насъ любопытны не столько его возраженія Аксакову, сколько тѣ замѣчанія, которыя дѣлаетъ критикъ о „Мертвыхъ душахъ“. Замѣчанія эти отчасти являются развитіемъ мыслей, уже раньше высказанныхъ вообще о творчествѣ Гоголя и его послѣднемъ созданіи, отчасти представляютъ собою нѣчто новое и въ высокой степени замѣчательное. Бѣлинскій со своимъ поразительнымъ критическимъ чутьемъ предугадалъ тотъ духовный переворотъ въ Гоголѣ, слѣдствіемъ котораго была его „Переписка съ друзьями“. Замѣчаніе Гоголя въ „Мертвыхъ душахъ“ о томъ, что, быть можетъ, въ этомъ-же самомъ произведеніи „почуются иные струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа“, вызываетъ тревожныя мысли у критика. „Много, слишкомъ много обѣщано,—говоритъ по этому поводу Бѣлинскій,—такъ много, что негдѣ и взять того, чѣмъ выполнить обѣщаніе, потому что того и нѣтъ еще на свѣтѣ. Намъ какъ-то страшно, чтобы первая часть, въ которой все комическое, не осталась истинной трагедіей, а остальные двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими, по крайней мѣрѣ, въ патетическихъ мѣстахъ“¹⁾. Вѣрный поклонникъ художественнаго реализма, Бѣлинскій понималъ, что Гоголь погубитъ свое дарованіе, если вздумаетъ изображать положительные типы. Своимъ тонкимъ критическимъ чутьемъ онъ чужалъ, что въ душѣ любимаго писателя совершается еще мало опредѣлившаяся для него самого, но глубоко опасная для его творчества внутренняя работа, и высказалъ открыто свои опасенія. Послѣдующая разработка біографическихъ данныхъ объ авторѣ „Мертвыхъ душъ“ блестящимъ образомъ подтвердила справедливость опасеній Бѣлинскаго.

Въ разсматриваемомъ отвѣтѣ К. Аксакову обращаетъ на себя вниманіе и другое мѣсто, изъ котораго ясно видно, что Бѣлинскій теперь не удовлетворяется одними художественными достоинствами въ произведеніяхъ любимаго писателя, а жаждетъ найти въ нихъ возможно большую силу, способную воздѣйствовать на современную жизнь. По его мнѣнію, неистощимый запасъ непосредственнаго творчества много вредитъ Гоголю. Онъ, „такъ сказать, отводитъ ему глаза отъ идей и нравственныхъ вопросовъ, которыми кипитъ современность, и заставляетъ его преимущественно устремлять вниманіе на факты и довольствоваться ихъ объективнымъ изображе-

¹⁾ Бѣлинскій, изд. Солдатенкова, М. 1860 г., т. 6, стр. 544.

ніемъ“¹⁾. Въ этихъ словахъ прямо выражень упрекъ Гоголю за то, что онъ мало обнаруживаетъ свое личное отношеніе къ изображаемымъ явленіямъ. И въ этомъ случаѣ, думается намъ, сказалаcя гениальная прозорливость Бѣлинскаго, безсознательно чувствоваvшаго, что Гоголь не осмыслилъ вполне для себя должнымъ образомъ всѣхъ явленій русской жизни, гениальнымъ изобразителемъ которыхъ онъ явился. Стремленіе видѣть въ любимомъ писателѣ живой, сознательный откликъ на текуція явленія современности, чтобы тѣмъ сильнѣе воздѣйствовать на социальную сторону этой современности, было настолько велико въ Бѣлинскомъ, что онъ предпочелъ-бы найти въ твореніяхъ Гоголя меньшую степень художественности, лишь-бы въ нихъ преобладала рефлексія.

Въ этой-же статьѣ Бѣлинскій высказываетъ, въ чемъ, по его мнѣнію, долженъ заключаться разборъ поэмы Гоголя. „Истинная критика „Мертвыхъ душъ“ должна состоять не въ восторженныхъ крикахъ о Гомерѣ и Шекспирѣ, объ актѣ творчества, о достоинствахъ Манилова, о не-испорченной русской натурѣ Селифана, о тройкѣ и телѣгѣ; нѣтъ, истинная критика должна раскрыть пагубу поэмы, который состоитъ въ противорѣчій общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціональнымъ началомъ“²⁾. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ строкахъ Бѣлинскій высказывается за необходимость для правильного пониманія „Мертвыхъ душъ“ такъ называемой публицистической критики, занимающейся анализомъ не столько художественной стороны разбираемаго произведенія, сколько тѣхъ явленій жизни, которыя нашли себѣ въ немъ отображеніе. Этотъ взглядъ на критику „Мертвыхъ душъ“, равно какъ и рассмотрѣнное только-что его желаніе видѣть въ послѣдующихъ частяхъ поэмы въ большей степени субъективный взглядъ автора на изображаемыя явленія, показываетъ, какое громадное значеніе придавалъ Бѣлинскій поэмѣ Гоголя въ общественномъ отношеніи.

Въ послѣдній разъ о „Мертвыхъ душахъ“ писалъ Бѣлинскій въ 1846 году, когда вышло второе изданіе этой поэмы. Это—небольшая библиографическая замѣтка, любопытная для насъ въ томъ отношеніи, что здѣсь Бѣлинскій уже въ опредѣленной и рѣзкой формѣ выражаетъ свое недовольство вполне очевидной для него перемоткой въ настроеніи любии-

¹⁾ Ibid. стр. 550.

²⁾ Ibid. стр. 551.

мага автора, сказавшейся какъ въ лирическихъ отступленіяхъ поэмы, такъ особенно въ предисловіи ко второму ея изданію. Лирическія отступленія онъ признаетъ важнымъ недостаткомъ „Мертвыхъ душъ“, ибо въ нихъ авторъ изъ поэта-художника силится стать какимъ-то прорицателемъ, глашатаемъ великихъ истинъ, „которыя, въ сущности, отзываются не чѣмъ инымъ, какъ парадоксами человѣка, сбившагося съ своего настоящаго пути, ложными теоріями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта.“¹⁾ Сопоставленіе этого мѣста съ приведеннымъ нѣсколько раньше пожеланіемъ Бѣлинскаго, чтобы Гоголь болѣе опредѣленно проявлялъ свое отношеніе къ изображаемой жизни, помогаетъ уяснить мысль критика. Очевидно, этотъ субъективный элементъ долженъ выражаться, по мнѣнію Бѣлинскаго, не въ разглагольствованіяхъ автора по поводу нарисованной картины жизни, ибо это вноситъ дисгармонію въ художественное созданіе; онъ долженъ быть тѣмъ регулирующимъ началомъ, которое руководитъ писателемъ при выборѣ матеріала и созданіи художественныхъ образовъ. Что касается до предисловія ко второму изданію „Мертвыхъ душъ“, которое, кстати сказать, вызвало въ критикѣ всеобщее осужденіе, то оно еще болѣе, чѣмъ лирическія отступленія, вызываетъ недовольство со стороны Бѣлинскаго. „Это предисловіе, по его словамъ, внушаетъ живыя опасенія за авторскую славу въ будущемъ творца „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“; оно грозитъ русской литературѣ новой великой потерей прежде времени.“²⁾ Такъ предугадалъ Бѣлинскій будущую судьбу Гоголя, какъ писателя.

Мы разсмотрѣли главнѣйшія статьи, въ которыхъ Бѣлинскій разбираетъ тѣ или иныя произведенія Гоголя. Къ нимъ примыкаютъ, по основной идеѣ, также тѣ его статьи, въ которыхъ онъ, не разбирая отдѣльныхъ сочиненій Гоголя, отстаиваетъ его приемы творчества и созданное имъ литературное направленіе отъ нападеній критики, разъясняетъ его смыслъ и значеніе для русской литературы и жизни. Изъ статей, въ которыхъ идетъ рѣчь о натуральной школѣ, наиболѣе представляетъ интереса „Отвѣтъ „Москвитяину“, напечатанный въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1847 годъ, и „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“. Въ этихъ статьяхъ сгруппированы и дополнены тѣ возраженія и разъясненія, которыя выставилъ Бѣлинскій противъ критиковъ, осуждавшихъ Гоголя и созданную или литературную школу.

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова, М. 1861 г., т. 11, с. 69—70.

²⁾ Ibid.

Въ наше время нерѣдко можно встрѣтить мысль о томъ, что сочиненія Гоголя при своемъ появленіи въ свѣтъ были встрѣчены восторгами современной критики, сразу оцѣнившей творчество новаго писателя. Такое мнѣніе однако не вполне согласуется съ истиной. Въ сущности говоря, только одинъ БѢлинскій, восхищаясь Гоголемъ, правильно истолковывалъ его творенія; что-же касается до огромнаго большинства другихъ современныхъ литературныхъ критиковъ,¹⁾ то одни изъ нихъ, превознося до небесъ новаго писателя, тѣмъ не менѣе не понимали его, какъ, напримѣръ, Шевыревъ и К. Аксаковъ, а другіе — и такихъ было не мало — съ каждымъ новымъ его произведеніемъ, особенно послѣ появленія въ печати „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ выливали на него цѣлые ушаты грязи. Въ числѣ ихъ были не только авторы небольшихъ газетныхъ замѣтокъ, но и наиболѣе извѣстные въ то время литераторы, работавшіе въ „толстыхъ“ журналахъ, какъ напримѣръ, Полевой и Сеньковскій. Первый изъ нихъ съ особенной силой обрушился на „Ревизора“ и на „Мертвыя души“. Знаменитая комедія Гоголя, по его мнѣнію, не болѣе, какъ пошлый фарсъ, въ которомъ „нѣтъ ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни опредѣленныхъ характеровъ, и написанный неправильнымъ языкомъ“. ²⁾ Что касается до „Мертвыхъ душъ“, то Полевой ставилъ ихъ еще болѣе низко. Не говоря уже о невозможномъ, съ его точки зрѣнія, языкѣ, которымъ написана эта поэма, онъ видѣлъ въ ней самое ничтожное, бѣдное содержаніе, отсутствіе оригинальности („Мертвыя души“ сколокъ съ „Ревизора“), грубую карикатуру, которая мѣстами исполнена такихъ отвратительныхъ подробностей, такихъ грязныхъ мелочей, что читатель невольно отворачивается отъ нихъ. Не менѣе возмущало критика „Русскаго Вѣстника“ и то обстоятельство, что Гоголь поставилъ себѣ задачей рисовать исключительно картины житейской пошлости и грязи, что онъ не изобразилъ ни одного положительнаго типа, ни одного свѣтлаго лица, на которомъ могло-бы отдохнуть воображеніе читателя.

Но статьи Полевого, по крайней мѣрѣ, были оригинальны и написаны въ болѣе или менѣе приличномъ тонѣ. Сеньковскій, извѣстный редакторъ и авторъ многихъ статей „Библіотеки для Чтенія“, повторяя съ

¹⁾ Срав. Зелинскій, Рус. крит. лит. о произведеніяхъ Гоголя, т. I, с. 115—116.

²⁾ Срав. Зелинскій, Рус. крит. лит. о произвед. Гоголя, т. I, с. 95 и сл.

различными вариантами мысли, высказанныя впервые о Гоголѣ Полевымъ, преподносилъ ихъ читателю въ такомъ видѣ, такъ пошло издѣвался надъ „Ревизоромъ“ и особенно „Мертвыми душами“, что даже Полевой, принципиальный врагъ Гоголя и созданнаго имъ направленія, находилъ ихъ грубыми и неприличными.

Славянофильская критика, нашедшая себѣ мѣсто въ „Москвитининѣ“, если и не заняла прямо враждебной Гоголю и натуральной школѣ позиціи, то въ значительной степени приближалась къ ней, съ одной стороны, ложнымъ толкованіемъ и освѣщеніемъ произведеній самого Гоголя, а съ другой, — уже полнымъ непониманіемъ и даже враждой къ нѣкоторымъ особенностямъ созданнаго имъ направленія.

Съ этими возраженіями и нападеніями, которыя высказывались въ печати противъ Гоголя, какъ представителя новой литературной школы, и сводить счеы Бѣлинскій въ „Отвѣтъ „Москвитинину“. Прежде всего, онъ разсматриваетъ наиболѣе часто посылаемые въ его время упреки Гоголю въ томъ, что онъ „рисуетъ грязь, представляетъ неумытую натуру и оскорбляетъ русское общество, находя въ немъ характеры низкіе и не противопоставляя имъ высокихъ“¹⁾. Возражая на первое изъ этихъ обвиненій, Бѣлинскій доказываетъ, что „творчество, по своей сущности, требуетъ безусловной свободы въ выборѣ предметовъ...“ Художникъ „изобразилъ вамъ порокъ, развратъ, пошлость: судите, вѣрно-ли, хорошо-ли онъ сдѣлалъ это, а не толкуйте, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это, а не другое, или вмѣстѣ съ этимъ же сдѣлалъ другого“²⁾. Что-же касается до того, будто Гоголь, рисуя только отрицательные типы, оскорбляетъ русское общество, будто читая его произведенія, каждый убѣдится, что въ Россіи нѣтъ порядочныхъ людей, то, — вполне справедливо замѣчаетъ Бѣлинскій, — такого рода заключенія могутъ сдѣлать только въ высшей степени наивные читатели, которые далѣе буквального смысла книги ничего въ ней не видятъ, а такого рода читатели, конечно, не могутъ быть принимаемы въ расчетъ при опредѣленіи значенія писателя³⁾.

Такъ-же категорически и мѣтко опровергаетъ Бѣлинскій возраженія критики противъ натуральной школы, т. е. тѣхъ писателей, которые въ

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова, М. 1861 г., т. 11, стр. 234.

²⁾ Ibid.

³⁾ Срав. ibid., стр. 238.

своемъ творествѣ слѣдовали по пути, проложенному Гоголемъ. Возраженія эти отчасти были тѣ-же, что выставлялись противъ Гоголя, отчасти представляли собою дальнѣйшее ихъ развитіе. Такъ, напримѣръ, противъ сѣтованій о томъ, что, благодаря новому направленію, поэзія, которая прежде „поучала забавляя, заставляла читателя забывать о тягостяхъ и страданіяхъ жизни, представляла ему картины пріятныя“, теперь „изображаетъ людей всякаго званія, дѣлаетъ героями... мужиковъ, дворянчиковъ, извозчиковъ, описываетъ углы, убѣжища голодной нищеты и всяческой безнравственности“, Бѣлинскій говоритъ: „въ сущности, эти жалобы состоятъ въ томъ, зачѣмъ поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль... зачѣмъ отказалась быть погремушкою“¹⁾.

Таковы въ сжатомъ видѣ нѣкоторые основныя возраженія Бѣлинскаго противъ враговъ натуральной школы. Каждое изъ этихъ возраженій подробно развивалось и обосновывалось знаменитымъ критикомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ попутно онъ высказывалъ цѣлый рядъ другихъ соображеній въ защиту приемовъ творчества Гоголя и его школы. Полемика на этой почвѣ только еще болѣе способствовала выясненію въ глазахъ русскихъ читателей значенія дѣятельности великаго юмориста и вмѣстѣ со статьями, посвященными непосредственно разбору его произведеній, содѣйствовала упроченію въ русской литературѣ художественно-реального направленія.

Послѣ сдѣланнаго краткаго обзора дѣятельности Бѣлинскаго, какъ истолкователя Гоголя, не трудно понять, какую видную роль сыгралъ нашъ знаменитый критикъ въ дѣлѣ правильного пониманія и оцѣнки творчества автора „Мертвыхъ душъ“. Онъ первый и, можно сказать, единственный изъ современныхъ Гоголю литературныхъ критиковъ вѣрно понял и истолковалъ значеніе его дѣятельности вначалѣ въ художественномъ, а потомъ и общественномъ отношеніи. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ разъяснял Бѣлинскій русскимъ читателямъ особенности и достоинства творчества Гоголя. Въ послѣдніе 5—6 лѣтъ своей жизни онъ неоднократно высказывалъ желаніе написать о Гоголѣ большую статью, которая должна была объединить и дополнить все, высказанное имъ въ различное время объ этомъ писателѣ. Конечно, нельзя искренно не пожалѣть о томъ, что срочная журнальная работа и преждевременная смерть помѣшали осуществленію

¹⁾ Срав. *ibid.*, стр. 342—3.

этого намѣренія. Но уже и то, что написалъ Бѣлинскимъ о Гоголѣ, послужило свою огромную службу русской литературѣ: взгляды Бѣлинскаго на дѣятельность, Гоголя, такъ горячо отстаиваемые имъ въ теченіе почти всей его критической дѣятельности, провели въ сознаніе русскаго общества правильную точку зрѣнія на творчество великаго юмориста.

Статьи его о Гоголѣ, гдѣ идетъ рѣчь о художественныхъ достоинствахъ его произведеній, до настоящаго времени не потеряли своего важнаго значенія, и въ наши дни, какъ въ моментъ своего появленія, могутъ служить будащимъ мысль пособіемъ при изученіи его литературной дѣятельности. Гораздо менѣе выяснять эти статьи для современнаго намъ читателя общественное значеніе творчества Гоголя.

Тяжелыя цензурныя условія, въ которыхъ приходилось работать Бѣлинскому, не дали ему возможности сколько-нибудь опредѣленно высказаться о значеніи литературной дѣятельности Гоголя въ дѣлѣ развитія общественнаго самосознанія; всякій разъ, когда ему приходилось касаться въ своихъ статьяхъ вопросовъ, сколько-нибудь выходящихъ за предѣлы чисто художественной критики, онъ принужденъ былъ ограничиваться незначительными намеками, говорить самыми общими фразами или же такъ называемымъ эзоповскимъ языкомъ. Но современные читатели съ двухъ словъ понимали Бѣлинскаго, и его мысли о глубокомъ общественномъ смыслѣ литературной дѣятельности Гоголя находили себѣ самый сердечный откликъ и сочувствіе въ передовой русской интеллигенціи того времени. Позднѣе, когда Бѣлинскаго давно уже не было въ живыхъ, эта сторона творчества великаго русскаго юмориста нашла себѣ болѣе или менѣе полную оцѣнку въ русской критикѣ. Теперь ни для кого не тайна, какую великую роль сыгралъ Гоголь въ ростѣ русскаго общественнаго самосознанія, и читатель, установившій себѣ должную точку зрѣнія на значеніе его дѣятельности, пожалуй, можетъ остаться неудовлетвореннымъ при чтеніи о немъ статей Бѣлинскаго влѣдствіе не достаточно полнаго выясненія въ нихъ роли Гоголя въ исторіи развитія русскаго общества. Но такой читатель не долженъ забывать, при какихъ условіяхъ приходилось писать Бѣлинскому, и въ какой мѣрѣ онъ могъ высказывать, повидимому, съ нашей точки зрѣнія, самыя безобидныя мысли, а съ другой стороны,—что именно Бѣлинскій первый указалъ на эту сторону дѣятельности Гоголя и, разъяснивъ современному обществу высокое художественное значеніе его произведеній и созданнаго имъ литературнаго на-

правленія, въ то же время указалъ и на великій смыслъ этихъ произведеній въ отношеніи общественномъ. Какъ заговорилъ-бы Бѣлинскій объ этой сторонѣ творчества Гоголя при другихъ условіяхъ положенія литературы въ Россіи, видно хотя бы изъ его знаменитаго письма къ Гоголю по поводу „Переписки съ друзьями“. Тѣмъ не менѣе за Бѣлинскимъ все же остается огромная заслуга, какъ перваго истолкователя творчества того писателя, который, создавъ въ нашей литературѣ художественный реализмъ, своими дивными произведениями, гдѣ въ „перлъ созданія“ возведены многія темныя стороны нашей родной дѣйствительности, мощно способствовалъ прогрессивному развитію русскаго общественнаго самосознанія.

Г. Александровскій.

Отдѣлъ V.

ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

